

**Фонд
«Единство во имя России»**

**Гражданский
университет**

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
ТЕХНОЛОГИЯМ
ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

О. Г. Карпович, А. В. Манойло, А. О. Наумов

Учебно-методическое пособие

**Москва
2015**

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Цветные революции и стратегии «управляемого хаоса» как источник глобальной нестабильности	3
II. Цветные революции: термины и определения	8
III. Цветные революции и «мягкая сила» США	18
IV. Северная Африка и Ближний Восток: цветные революции «арабской весны»	42
V. Иран и Израиль	60
VI. Стратегические цели и вероятные заказчики цветных революций и «арабской весны»	66
VII. Цветная революция в Венесуэле	70
VIII. Цветная революция и вооруженный мятеж в Украине	72
IX. Цветная революция в Гонконге	78
X. Противодействие цветным революциям в России	88
XI. Идеология цветных революций и студенты	91

Настоящее учебно-методическое пособие посвящено анализу проблем, связанных с демонтажем политических режимов в современных государствах (как авторитарного, так и демократического типа) и ролью в этом процессе технологий цветных революций, включая возможности противодействия их деструктивному влиянию на мировой политический процесс и распространению идеологий цветных революций в молодежной студенческой среде. В этом плане имеет большое значение систематизация и уточнение терминологии, связанной с цветными революциями, что вносит ясность и четкость в предмет исследования и позволяет понять природу цветных революций, а также выбрать методы, позволяющие с ними бороться. Проблемы демонтажа политических режимов и связанная с ними проблематика цветных революций в современных условиях приобретают чрезвычайную актуальность. Связано это не только с тем, что события в Украине при детальном рассмотрении в точности повторяют сценарий цветных революций в Северной Африке и на Ближнем Востоке, получивших название «арабской весны», в частности — революции в Египте, что указывает на неслучайность данных событий. Причина в том, что на смену традиционным, привычным для мирового сообщества инструментам демонтажа приходит новое поколение более тонких инструментов, сочетающих силовые методы воздействия с технологиями манипулятивного управления сознанием и поведением широких масс гражданского населения.

I. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И СТРАТЕГИИ «УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА» КАК ИСТОЧНИК ГЛОБАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

В последнее время все большее количество российских и зарубежных экспертов отмечают, что современный мир переживает эпоху кардинальных изменений, в результате которых формируется новый миропорядок, идущий на смену классической Вестфальской системе. Эти процессы вызывают не только революционные изменения в сложившихся архитектуре и институциональном дизайне международных отношений. Они влекут серьезные сдвиги в коллективном мировоззрении крупнейших мировых наций, реализующих свои национальные интересы в глобальном мире с помощью специальных акторов Вестфальской системы — наций-государств.

Процесс формирования нового миропорядка сопровождается возникновением новых полюсов, выступающих новыми центрами притяжения движущих сил мировой политики и составляющих острую конкуренцию американоцентричной концепции однополярного мира, на время победившей после окончания «холодной войны». Центрами этих полюсов выступают так называемые «новые гиганты» мировой политики — стремительно набирающие силу развивающиеся страны — так называемые «восходящие гиганты» мировой экономики (и политики тоже), в период глобального противостояния СССР и США находившиеся на периферии линий геополитической напряженности и основных фронтов «холодной войны».

Вместе с тем современная политическая действительность все больше определяется нарастающей глобальной политической нестабильностью, в которую «мир перешел в результате эрозии Вестфальской системы. На фоне ее распада и хаотизации международных отношений происходит формирование нового миропорядка, основанного на принципах многополярности»¹.

С одной стороны, происходит окончательное разрушение Ялтинско-Потсдамской мировой системы, возникшей в результате победы государств антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне над германским национал-социализмом, итальянским фашизмом и японским милитаризмом, и на ее обломках формируется новый миропорядок, который различные эксперты называют то многополярным, то бесполярным.

¹ Будаев А. В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.

С другой стороны, формирование нового миропорядка происходит в условиях нарастающей глобальной нестабильности и хаотизации международных отношений, в которой устойчивость политических режимов наций-государств зависит от их способности противостоять цветным революциям и технологиям «управляемого хаоса».

Складывается в целом непростая и даже в чем-то парадоксальная ситуация:

- с одной стороны, формирование новой многополярной системы ведет мир к порядку;

- с другой стороны, целым рядом государств, занимающих лидирующие позиции в мировой политике, подчеркивается важность сохранения анархичности международных отношений и отстаивается право использовать технологии «управляемого хаоса» для устранения политических режимов, не вписывающихся в новый миропорядок.

По мнению одних, многополярный мир успешно формируется; вместе с тем, по мнению их оппонентов, этот процесс сопровождается нарастанием энтропии, все более принимающей форму черной дыры, в которой может исчезнуть и сам нарождающийся миропорядок, так и не успев окончательно сформироваться. К такому результату вполне могут привести заигрывания американцев — этих «больших детей» мировой политики — с технологиями хаоса, который они наивно считают управляемым и который уже проявил себя в так называемых революциях «арабской весны».

Распад современной мировой системы, основанной на вестфальской архитектуре международных отношений, модифицированной более поздними ялтинскими и потсдамскими соглашениями, вероятно, является процессом объективным и неизбежным даже в условиях всеобщего мира и процветания. Современный мир стремительно меняется, становясь более сложным и приобретая новые качества, и эти изменения становятся причиной модернизации и адаптации прежних моделей и схем международных отношений, многие из которых не выдерживают темпов развития и распадаются, давая жизнь новым системным решениям.

Повсеместно в современном мире происходит смена взглядов на ключевые вопросы и проблемы международных отношений, глобального и регионального развития; изменение и переоценка традиционных ценностей, вплоть до девальвации, включая такие фундаментальные ценности, как права и свободы демократического общества, институты демократического мира; смена парадигм эволюционного развития современного общества, в результате которой приходят альтернативные концепции и идеи, основанные на движении ко всеобщему порядку через стимулирование анархии в международных отношениях и насаждение «управляемого хаоса».

Продвигаемые по всему миру англосаксами и их последователями из числа западных стран так называемые демократические (либерально-демократические) ценности, будучи оторванными от их носителей — североамериканских англосаксов (их попросту не хватает на все страны, где они стремятся насадить демократию собственной модели), переходят в состояние

свободного дрейфа (по мнению Вендта и других американских политических конструктивистов²), свободно проникая через границы суверенных государств и охватывая все новые территории, но при этом такой дрейф часто носит характер хаотического броуновского движения.

В ответ на настойчивые попытки принудительной демократизации и навязывания американского образа жизни сообщества, относящиеся к традиционному восточному типу и построенные по племенному, родовому и общинному принципу, активно возрождают архаичные и давно уже ушедшие в историю методы и механизмы конфликтной мобилизации. Эти методы способны противостоять новым вызовам и внешним угрозам, направленным на разрушение их собственной уникальной идентичности. Принудительная демократизация восточных обществ (в Ираке, Афганистане и других странах) ведет к возрождению сильнейших общинных механизмов самозащиты. Их американцы стремятся разрушить, погружая регионы мира в «управляемый хаос» — способ, прямо противоречащий их стремлению унифицировать мир и привести его к «светлому будущему», объединив в рамках единой для всех наций и народов системы ценностей и системы институтов «демократического мира». Эта противоречивость глобальной политики США позволяет поставить на повестку дня вопрос о разумности политического курса, проводимого блоком западных стран, и присутствию (или отсутствию) в нем элементов здравого смысла — фундаментального концепта ноосферной политики.

Действительно, в результате внешней политики, проводимой США и их союзниками из числа стран Запада, формирование нового многополярного мира сопровождается не столько повышением уровня мирового порядка, формализацией международных отношений и ростом структурированности современного мирового сообщества, сколько нарастанием глобальной политической нестабильности. А также множественностью международных конфликтов (как давно существующих, так и совершенно новых, проявляющих себя в целом спектре неизвестных ранее форм и оттенков) и политическим хаосом, охватывающим целые регионы по мере того, как по ним проходит волна цветных революций. Именно эти признаки мы имели возможность наблюдать в 2011–2013 гг. в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в цепочке государственных переворотов, получивших общее название «арабской весны». То, что революции «арабской весны» представляют собой англосаксонские цветные революции, адаптированные под культурно-цивилизационную среду и условия традиционных восточных обществ, сегодня уже мало кем подвергается сомнению. Многие видят в этих псевдореволюциях ярко выраженный американский след, проступающий в использовании арабскими революционерами классических шаблонов, схем и сценариев цветных революций — новейших технологий демонтажа политических режимов, разработанных американцами и имеющих характерные признаки, без труда выявляемые включенными наблюдателями.

² *Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // International Organization. Vol. 46. № 2. Spring 1992. P. 391—425.*

В мировой истории проблемы, связанные с демонтажем политических режимов, возникали всегда. Но прежде инструментами этого демонтажа выступали в основном силовые методы в их классическом понимании, применявшиеся в ходе вооруженных переворотов, локальных вооруженных конфликтов, гражданских войн и военных интервенций. И мировое сообщество сумело выработать эффективные методы противодействия этой угрозе и создать прочные механизмы политического регулирования этих процессов, в том числе на международном уровне. Кто бы и как бы ни критиковал ООН, эта организация действует, и ее потенциал и возможности по управлению политической стабильностью и урегулированию международных конфликтов даже в условиях распада Вестфальской системы далеко не исчерпаны. Острота проблемы, связанная с угрозой вооруженных переворотов в различных странах, не перестает быть актуальной и не снимается с повестки дня, но в целом для мирового сообщества эта категория угроз является знакомой, и мировое сообщество понимает, как на нее реагировать.

Вместе с тем мир меняется, и на смену технологиям вооруженных переворотов сегодня приходят более тонкие технологии цветных революций, которые маскируются под истинные революционные движения и практически не встречают сопротивления со стороны как стран с вполне уже сложившейся демократией, так и государств восточного типа, сохранивших традиционный жизненный уклад. Повторение сценария цветных революций в Украине вызывает обоснованную тревогу, поскольку возникает и крепнет уверенность в том, что Украина — далеко не конечный пункт этого сценария, а разменная карта в той геополитической игре, в которой главный удар американских режиссеров цветных революций может быть направлен на Россию, Китай и Казахстан.

Причины возросшего внимания к цветным революциям кроются в том, что в течение последних трех лет в целом ряде государств с вполне устойчивыми политическими режимами произошли государственные перевороты. Они привели к полному или частичному демонтажу политических режимов, долгие годы успешно сопротивлявшихся внешним и внутренним врагам: так, египетский, тунисский, сирийский и ливийский режимы успешно противостояли исламизму.

При этом в сценариях смены политических режимов в этих странах наблюдается поразительное сходство, в котором можно усмотреть многократное повторение одного и того же шаблона или организационной схемы, в которой проступают общие черты так называемых бархатных революций, уничтоживших коммунистические режимы в странах восточной Европы после распада СССР.

Такое совпадение вряд ли можно назвать случайным, поскольку вероятность точного совпадения сценариев смены политических режимов в странах, заметно различающихся и по уровню политической организации власти, и по уровню социально-экономического развития, и по спектру нерешенных проблем, сравнительно (если не сказать ничтожно) мала.

В этом плане Сирия и Ливия кардинально отличаются от Украины и Грузии, однако несложно отметить, что революция 2014 года в Украине (получившая

название евромайдана) в точности совпадает со сценарием революции «арабской весны» в Египте вплоть до стиля поведения противоборствующих сторон.

Все это может свидетельствовать о том, что на примере различных стран и регионов мы имеем дело с одним и тем же явлением — результатом применения технологий цветных революций. Однако, несмотря на яркое брендовое название, ничего революционного в них нет.

Даже западные СМИ сегодня отмечают, что цветные революции, которые они называют технологиями проведения операций по экспорту демократии через акции гражданского неповиновения, настолько отточены, что их методы превратились в руководство по смене политических режимов.

II. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ: ТЕРМИНЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Цветные революции в классическом виде и любые их разновидности — это технологии информационно-психологического управления международными конфликтами, предполагающие в том числе их искусственную инициацию. Именно в состоянии таких этнополитических конфликтов погрузились общества в ранее стабильных и политически предсказуемых государствах Ближнего Востока и Северной Африки после внешней инициации технологий «управляемого хаоса».

В более узком смысле цветные революции — это технологии осуществления государственных переворотов и внешнего управления политической ситуацией в стране в условиях политической нестабильности, в которых давление на власть осуществляется в форме политического шантажа с использованием в качестве инструмента шантажа молодежного протестного движения, организованного по специальной сетевой схеме.

Цель любой цветной революции — осуществление государственного переворота, то есть захват и удержание власти насильственным путем.

Объектом цветной революции выступают власть и властные отношения, предметом — политический режим.

У цветных революций есть необходимое и достаточное условия их успешной реализации.

Необходимое условие осуществления цветной революции — наличие политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти. Если политическая ситуация в стране стабильна, ее нужно искусственно дестабилизировать.

Достаточное условие — наличие специально организованного (по особой сетевой форме) молодежного протестного движения.

Отличительные черты цветных революций.

– В цветных революциях воздействие на власть осуществляется в особой форме — форме политического шантажа.

– Основным инструментом воздействия на власть выступает молодежное протестное движение.

Цветные революции только внешне напоминают настоящие революционные движения; в отличие от революций настоящих, вызванных объективным развитием исторического процесса, цветные революции — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы. Современные цветные революции отличаются высокой степенью технологичности и почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно

пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной. Несмотря на существенные различия государств, в которых они вспыхивают, в геополитическом, социальном, экономическом плане и международном положении все они укладываются в одну и ту же организационную схему. Такая схема предполагает организацию по шаблону (предполагающему сетевую форму организации) молодежного протестного движения, преобразования его в политическую толпу и использование этой силы против действующей власти в качестве инструмента политического шантажа.

В основе технологического сценария цветной революции лежит англосаксонская (североамериканская) идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов и ценностей в сопредельные страны. При этом все государства должны строить демократическое общество по образцу США. Технологии цветных революций на практике умеют применять только их авторы и разработчики — англосаксы. В любой стране, где начала разворачиваться цветная революция, следует искать североамериканский след.

Все цветные революции построены по одной и той же схеме, или технологической цепочке, — это невозможно не заметить. Это прямо указывает на то, что цветные революции в принципе не могут быть реализацией объективных надежд и стремлений большинства населения. Достаточно взглянуть на национально-освободительные движения и войны в странах Азии, Африки и Латинской Америки, закончившиеся сменой власти: все они пришли к власти разными путями, но всегда исключительно благодаря поддержке населения. Наивно полагать, что цветные революции — это стихийное проявление, всплеск народного гнева, «народный бунт», проявление народной воли: все это не что иное, как красивая легенда, сказка, образ конфликта, за которой скрывается банальный государственный переворот, организованный из-за рубежа.

В основе объяснения причин цветных революций лежат две версии: версия о стихийности и версия об инсценированности цветных революций (о случайности и неслучайности). Обе версии имеют право на существование и не являются бесспорными.

Сторонники стихийности цветных революций настаивают на том, что причиной революций являются объективные социальные противоречия, которые находят свое проявление в формах народных бунтов и массового протеста «угнетенного» населения. В качестве таких причин называют нищету, усталость от режимов, тягу к демократическим переменам, демографическую ситуацию. Между тем при детальном рассмотрении социально-политической ситуации практически в любой стране, в которой произошла цветная революция, нередко выясняется, что существующие в ней противоречия и социальные разрывы, хотя и стали катализатором последующих событий, но не были их основной и единственной причиной. Так, в Египте до цветной революции существовали так называемые дотации на лепешки, обеспечивающие доступность основного продукта, хлебных лепешек, для беднейших слоев населения, а в трущобах Каира на крыше каждой хижины можно увидеть тарелку спутникового теле-

видения. В Ливии граждане страны получали природную ренту (и массу других выплат), которая была настолько велика, что население совсем перестало работать и возложило обязанность трудиться на приезжих гастарбайтеров из того же Египта и других африканских стран. Уровень жизни в Тунисе, самом демократическом из всех авторитарных стран Африки, вплотную приближался к Южной Франции (Провансу и Лангедоку), а Южную Италию даже превосходил. Одной из причин всплеска протестных движений в Сирии стало то, что президент Асад решил (без какого-либо давления) смягчить авторитарность режима и начал проводить либеральные преобразования, которыми тут же воспользовались исламисты и их покровители из США.

Сторонники инсценированности цветных революций указывают на многократную повторяемость сценария (демократического шаблона) этих революций в различных странах мира, очень сильно различающихся как по особенностям государственного строя, так и по характеру социально-политических проблем. Они утверждают, что все цветные революции сделаны «под копирку», а вероятность повторения одного и того же события по одной и той же схеме в природе ничтожно мала. На основании этих выводов сторонники инсценированности цветных революций указывают на ряд признаков, по которым в любом внешне стихийном народном бунте можно установить цветную революцию.

У каждой цветной революции есть свои признаки, которые выдают в ней технологию.

Во-первых, это особый внешнеполитический почерк англосаксов, их отличительный стиль работы.

Во-вторых, это строгое соответствие плана любой революции базовому шаблону (или сценарию) — все цветные революции развиваются по одному и тому же сценарию, использующему одну шаблонную схему.

В-третьих, это то, каким образом организуется и как используется молодежное протестное движение, которым управляют с помощью технологий рефлексивного управления (которые также являются американским изобретением).

В-четвертых, есть определенные повторяющиеся особенности в подборе и выдвижении революционных лидеров.

В-пятых, в некоторых цветных революциях начисто отсутствует революционная идеология, что позволяет распознать в них подделку. Связано это с тем, что американцы — авторы цветных революций — не всегда понимают менталитет и психологию народа, которому они хотят принести «ценности истинной демократии», и не могут предложить ему идеологию, которая будет органично принята всеми слоями общества.

Цветные революции часто называют технологиями или инструментами «мягкой силы», понимаемой в том ракурсе, который дал для этого термина Дж. Най. Этот подход, основанный на принципе аналогии (внешне цветные революции — это не силовые технологии смены политических режимов), не совсем точен и часто вводит в заблуждение, заставляя считать цветные революции более мягкой и поэтому более прогрессивной и менее социально опасной формой воздействия на авторитарные режимы. Тем самым развора-

чивается кампания по пропаганде цветных революций в пику любым формам собственно вооруженных переворотов. На наш взгляд, трудно определить, что на самом деле является более опасным явлением для международной безопасности в целом: цветные революции или локальные вооруженные конфликты, и современный Ближний Восток, погруженный цветными революциями в «управляемый хаос», является полным тому подтверждением. Все же представляется довольно очевидным, что современные цветные революции по своей природе — это не форма проявления «мягкой силы». Цветные революции — это не что иное, как организационная форма осуществления государственного шантажа (то есть шантажа, объектом которого является независимое и суверенное государство), маскирующегося под легендой и лозунгами национальной революции.

Цветные революции — не «мягкая сила», это инструменты взлома демократических режимов переходного типа, скопированных с англосаксонских образцов незападными странами, которые имеют признаки имитационности. Можно утверждать, что американцы не только создали модель демократического устройства государства, ориентированную «на экспорт», но и позаботились о создании специальных инструментов, предназначенных для ее слома и демонтажа, если в этом вдруг возникнет необходимость. В современном мире такими инструментами, играющими роль своеобразных отмычек для взлома политических режимов западного либерального типа, являются технологии цветных революций.

Отдельного внимания заслуживают вопросы, связанные с опасностью перерастания цветной революции в гражданскую войну или международный конфликт, протекающий в фазе вооруженного противостояния. Цветные революции используют фактор военной силы как сервисную функцию, к которой их сценаристы и технологи прибегают в случае крайней необходимости. Военная сила для цветных революций не является основным инструментом, ее использование носит скорее вынужденный и побочный характер. Тем не менее нельзя не обратить внимания на тот факт, что современные цветные революции действительно создают условия и поводы для последующей военной интервенции.

Модель, лежащая в основе цветной революции, одна: это создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть всегда происходит в форме шантажа, выдвижения ультиматумов под угрозой массовых погромов и — реже — физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, цветная революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии и, скорее всего, будет в Сирии.

Модель цветной революции состоит из пяти основных этапов, или фаз.

1. Любая цветная революция начинается с формирования в стране организованного протестного движения — основной движущей силы будущей цветной революции.

На первоначальном этапе, до открытого выступления, протестное движение формируется в виде сети, состоящей из конспиративных ячеек, каждая из которых состоит из лидера и трех-четырёх состоящих у него на связи активистов. Такие сети объединяют тысячи активистов, составляющих ядро будущего протестного движения. Многие из них перед тем, как стать лидерами ячеек, проходят обучение в специальных центрах, специализирующихся на вопросах содействия демократизации.

Рекрутируют активистов из молодежной среды, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами.

Сетевой принцип организации протестного движения напоминает принцип организации глобальных террористических сетей — по сути, это одна организационная технология.

2. Из подполья эта сеть выходит на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу, который носит название инцидента. Таким инцидентом может стать любое событие, шокирующее общество и получившее мощный общественный резонанс. Как правило, его инициируют специально.

В революциях в Сербии («бульдозерная революция», 2000), в Украине (2004) и в Грузии (2004) таким инцидентом стали результаты выборов, которые были объявлены сфальсифицированными. Революция в Тунисе (2010) — стране с авторитарным режимом — началась с самосожжения торговца на одной из центральных площадей столицы: событие само по себе ничтожное в масштабах страны.

Очень важно, чтобы инцидент привлек внимание всего общества и стал предметом широкого обсуждения, интерпретации, нарастания всеобщего возбуждения и инициирования стихийных форм массового поведения.

3. После того как инцидент произошел, протестная сеть выходит из подполья на улицы, где группы активистов из ячеек становятся катализатором стихийных массовых процессов, вовлекающих в этот процесс все большие слои населения.

Включаются механизмы конфликтной мобилизации, одним из которых являются «твиттерные революции» — вовлечение через социальные сети.

Ячейки начинают быстро обрастать гражданами, вовлекаемыми в стихийное протестное движение, принять участие в котором их толкает в основном страх за свое будущее. Общая тревожность настроений ведет к тому, что сознание людей переходит в так называемое пограничное состояние и становится подверженным массовым паническим реакциям, всеобщей истерии, часто проявляющимся на уровне рефлексов и инстинктов. С этого момента остается только один шаг от превращения протестных масс из сообщества протестующих в толпу.

4. Следующий шаг в схеме цветной революции — формирование политической толпы. Для этого выбирается достаточно большая площадь (майdan), где могли бы разместиться значительные массы народа.

Активисты ведут свой протестный электорат на такой майdan, где в ходе многочасового митинга происходит полное слияние участников в единую массу, известную в психологии как толпа. Происходит полное эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации «свой —

чужой» начинает использоваться яркая «революционная» опознавательная символика.

В этих условиях на толпу воздействуют с помощью технологий воздействия на подсознание, внедряя новые ценности и императивы, перепрограммируя человека. Именно такие технологии применяются в протестантских тоталитарных сектах.

Создаются условия для поддержания устойчивого существования и функционирования толпы — материальное обеспечение, палатки, горячее питание, одежда, деньги активистам, средства нападения. Действует хорошо организованная «служба тыла».

5. От имени толпы власти выдвигаются ультимативные требования под угрозой массовых беспорядков и — реже — физического уничтожения. В том случае, если власть не выдерживает этого напора, стихия ее сметает. Если власть принимает вызов и выражает готовность сопротивляться, толпа становится основным таранным фактором удара, который наносят по власти авторы цветной революции. В дальнейшем такая революция неизбежно перерастает в мятеж, а в некоторых случаях — в гражданскую войну, сопровождающуюся военной интервенцией.

Эволюция организационных схем и шаблонов цветных революций довольно хорошо прослеживается на примере революций «арабской весны». Так, в революциях «арабской весны» есть свои особенности, отличающие их структурно и технологически от своих предшественников — цветных революций в Центральной Азии, Украине, Грузии и даже от так называемой «зеленой революции» в Иране 2009 года. К классической схеме реализации цветной революции (то есть государственного переворота) здесь добавлены механизмы обратной связи (итерационный механизм, хорошо известный математикам) и «управляемого хаоса». Эти механизмы позволяют управлять политической нестабильностью не только в рамках отдельно взятой, сравнительно небольшой страны (такой как Украина или Грузия), но и в масштабах целого региона (Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной Азии и т. д.).

Механизм обратной связи — это специальный механизм коррекции, позволяющий в режиме реального времени выявлять и оперативно устранять недочеты в реализации схем цветных революций, модифицируя их под конкретные условия конкретной социокультурной среды. Именно такой механизм был впервые отработан в революциях «арабской весны», в которых государственные перевороты в странах, ставших жертвами волны «принудительной демократизации», осуществлялись не одновременно, а последовательно, по цепочке, причем в каждой последующей схеме реализации цветной революции учитывались ошибки, допущенные при реализации предыдущей схемы. Внедрение в технологические схемы цветных революций механизмов обратной связи, основанных на итерационных схемах, — это прямой результат их эволюционного развития, позволяющий погружать в революционные процессы уже не отдельные страны, а целые регионы.

Механизм «управляемого хаоса» — это еще один эволюционный прорыв

в технологиях цветных революций, который позволяет применять «демократические схемы и шаблоны», разработанные изначально для общества западного (индивидуалистического) типа, в условиях традиционных восточных обществ, в своем исходном виде невосприимчивых к пропаганде демократических и либеральных ценностей. Для того чтобы западные, англосаксонские технологии цветных революций заработали в такого рода социально-культурной среде, необходимо предварительно разрушить традиционную структуру общественного уклада, что и делают (и весьма успешно) технологии «управляемого хаоса». Основная цель применения этих технологий — подготовить традиционное общество к применению технологий управления массовым политическим сознанием и массовым политическим поведением, что достигается с помощью его «атомизации», разрыва связей между отдельными личностями и общиной, внедрения в сознание граждан суррогатного индивидуализма западного типа. Технологии «управляемого хаоса» чрезвычайно опасны: это особые технологии, которые американцы используют для «атомизации» восточных обществ — для разрушения их кланово-родовой общинной структуры и превращения в сообщество индивидуумов, испуганных личностей, потерявших поддержку рода, под защитой которого они привыкли все время находиться. Эта защита, которой обеспечивают своих членов восточные общины, стоит непреодолимым барьером на пути технологий управления сознанием, которые просто не могут пробиться к сознанию своих жертв и мишеней. В этом причина того, что классические англосаксонские технологии цветных революций, разработанные для обществ западного типа, демократических или полудемократических обществ потребления и победившего индивидуализма, оказывались неэффективными в иной культурной среде, например, в Иране. Обобщив опыт неудачной для американо-британцев «зеленой революции» 2009 года в Иране, США дополнили классические схемы цветных революций двумя важными компонентами, которые спустя каких-то два года полностью проявили себя на Арабском востоке — технологиями «управляемого хаоса» и контролируемой цепной реакции с обратной связью, реализованных американцами в революциях «арабской весны». Сделано это для того, чтобы в условиях нарастающей политической нестабильности получить возможность управления целыми регионами, такими как Большой Ближний Восток, или только Арабский Восток, включающий Ближний, Средний Восток и часть Африки.

Сама возможность управлять регионами с помощью любых, даже самых продвинутых технологий вызывает большое сомнение среди профессионалов-политологов и дипломатов, но американцы искренне верят в то, что такое возможно и обязательно у них получится. В своей уверенности в конечном результате они апеллируют к успешности цветных революций в Египте, Тунисе, Ливии, Йемене и ряде других стран, где насаждаемый ими политический хаос на первых этапах действительно проявлял определенные признаки управляемости. Между тем ноосферный подход к анализу данной ситуации дает прогноз развития ситуации в регионах, по которым прошли своим катком цветные революции, прямо противоположный ожиданиям Соединенных Штатов: разумный подход к организации жизни и политики не допускает со-

четания созидания и разрушения, а также порядка, напрямую вытекающего из нарастающего «управляемого хаоса».

Важно отметить, что строительство нового мира американцы ведут с помощью технологий, не имеющих ничего общего с инструментами созидания и заточенных только на разрушение, — технологий «управляемого хаоса», применяемых в условиях политических кризисов, уже существующей или специально созданной (искусственной) политической нестабильности. Это не случайно и имеет свое логичное объяснение: в англосаксонском понимании процесс построения демократического мира неразрывно связан с разрушением прежних структур Вестфальской системы, девальвацией ее ценностей и сознательным демонтажем таких институтов, как ООН. Все это не очень вяжется с формальной логикой и здравым смыслом, разумным устройством жизни, к которому стремится сегодня прогрессивное человечество. Кроме того, в своем стремлении переделать мир под собственные либерально-демократические стандарты американцы используют технологии хаоса, который они по своей наивности называют управляемым. Это, в свою очередь, позволяет усомниться в том, что в основе англосаксонской внешней политики в качестве основной платформы лежит здравый смысл, разум, принципы разумного устройства жизни наций, народностей, этносов и отдельных личностей.

На волне цветных революций «арабской весны», осуществляемых по американскому сценарию, поднимают голову экстремистские исламские организации, которые считают, что их час пришел. Американцы и их союзники по НАТО, устраняя неугодные светские режимы, тем самым расчищают площадку для любых сил, способных взять власть в свои руки (наиболее яркий пример — Египет под властью «Братьев-мусульман»). Эти силы в регионе представлены в основном радикальными исламскими организациями, которые сегодня идут на острие удара англосаксонской демократии. При этом из изгоев, всеми преследуемых и осуждаемых, они превращаются практически в легитимную политическую силу, с которой уже можно вести переговоры, вступать в союзы и иметь партнерские отношения. Более того, в эти организации их западными партнерами вливаются огромные ресурсы, которые позволяют лидерам этих организаций говорить о собственном возрождении и связывать эти процессы с новым возрождением ислама.

В условиях, когда реальная потребность в радикальных исламистских организациях (как суннитских, так и шиитских), имеющих опыт участия в вооруженных конфликтах, появилась и у авторов революций «арабской весны», и у их противников, эти организации резко увеличивают интенсивность и выводят на новый качественный уровень свою информационно-пропагандистскую деятельность. В арсенале этой деятельности появляются новые идеологические установки, связывающие интересы радикальных исламистских сект с интересами глобального исламского возрождения, новые методы и технологии воздействия на массовое и индивидуальное сознание людей. И дело здесь не только в стремлении расширить собственную социальную базу, необходимую для вербовки боевиков, а в том, что сегодня идеологами экстремистов закладывается фундамент новой идеологии всемирного возрождения

ислама, главными элементами которого становятся призывы к глобальной исламской революции, исламский ревизионизм и создание всемирного халифата. И все это сегодня происходит под крылом и почти отеческой опекой западных союзников, рассматривающих исламистов как полезный инструмент в той игре, которая разыгрывается сегодня на Ближнем Востоке. Вот почему информационно-пропагандистскую политику радикальных исламистских организаций необходимо тщательно исследовать и постоянно держать в поле зрения, поскольку именно она является основным индикатором, посылающим сигналы о новых угрозах международной безопасности и существующему миропорядку.

Революции «арабской весны» несут отсталому (по меркам западного мира) обществу, якобы томящемуся под гнетом полуфеодалных военных диктатур, ценности истинной демократии, свободы и народовластия, то есть — все лучшее, что может предложить западная либеральная цивилизация остальному миру. Однако эти ценности в революциях «арабской весны» несут народам на остриях своих штыков шейхи монархий Персидского залива, идущие в авангарде американских и НАТОвских экспедиционных корпусов, — саудовцы и катарцы, которых даже при всех возможных допущениях весьма сложно назвать либералами и демократами.

Запад упорно продолжает называть государственные перевороты в арабских странах «революциями», но при этом замалчивает отсутствие в этих революциях подлинно революционной идеологии. Ведь революция тем и отличается от мятежа, что у нее есть свои идеалы и фанатично следующие им революционеры-идеалисты, есть своя революционная идеология, а у мятежников такой идеологии нет — она им не нужна, так как мятеж поднимают не ради идеи, а против кого-то конкретного.

Революционеры «арабской весны» (эти «подснежники пустыни») борются с реакционными режимами, стремясь смести приватизировавшие власть в своих интересах военные хунты вроде клана Асадов в Сирии или Каддафи в Ливии. При этом СМИ часто рисуют проправительственные силы в виде террористов и военных преступников, ведущих войну против собственного народа, обстреливающих из танков и вертолетов густонаселенные жилые кварталы, идущих ради сохранения собственной власти на любые преступления, вплоть до геноцида. При этом как-то забывается, что основные кадры для свободных армий мятежников поставляют все те же террористические организации: в Свободной сирийской армии против Асада воюет немало моджахедов, половина из их командиров — полевые командиры боевых ячеек «Аль-Каиды». Дело дошло до того, что американский госдепартамент в марте 2013 года выразил глубокую озабоченность этим фактом, предложив ЦРУ и РУМО вычислять лидеров террористов и исламистов, воюющих против режима Асада, и уничтожать их точечными ударами с помощью беспилотников. Если их послушать, то можно прийти к выводу о том, что и сама война против Асада была развязана Соединенными Штатами с единственной целью — собрать всех наиболее опасных террористов и исламистов в одном месте, с тем чтобы потом не бегать за ними по всему Большому Ближнему Востоку.

Вместе с тем сами исламисты связывают революции «арабской весны» не с победой демократии, а с новым рождением ислама. Их официальная пропаганда рисует совсем иную картину всеобщей победы: исламисты открыто заявляют о начале построения нового мирового порядка, основанного на исламских ценностях, в котором не будет места таким пережиткам мировой истории, как христианская культура и т. д. И это не пустые слова: повсеместно в регионе, зачищенном волной «арабской весны», исламисты приходят к власти благодаря умелой игре на амбициях европейских лидеров (Кэмерона, Саркози) и умением встроиться в ближневосточную политику Соединенных Штатов, решающих в волне «управляемого хаоса» определенный набор частных прагматических задач и не заглядывающих в будущее региона. С точки зрения исламистов, американские протестанты и их союзники выполняют важную миссию «зачистки» политических режимов региона, которые попытались отойти от устоев воинствующего ислама и внедрить в мусульманской среде светские формы правления. То есть западными демократиями умело пользуются.

Сегодня, спустя два года после начала революций в арабском мире, некоторые натовские союзники США, такие как Великобритания и Франция, начинают постепенно приходить в себя и называть вещи своими именами: они отмечают, что «арабская весна» на практике обернулась для Запада «христианской зимой». Действительно, везде, где революции победили, к власти пришли исламисты. Англосаксы и их европейские союзники демонтировали основы светской политической системы в целом ряде арабских государств, вся предыдущая история которых в принципе не знала светских форм правления. Таким образом, за короткий интервал времени историю удалось обратить вспять. Еще недавно исламисты о таком повороте событий не могли и мечтать. Теперь же это стало объективной реальностью.

Откровения европейских союзников Соединенных Штатов, сравнивающих «арабскую весну» с «христианской зимой», напоминают известный всем медицинским работникам процесс абстиненции, или похмелья. Теперь, когда первоначальный эффект всеобщей эйфории от участия в формировании нового миропорядка уже спал, в их сознании появляется понимание того, что американцы, решив свои вопросы с Ираном и Китаем, из региона уйдут. Но они оставят у границ объединенной Европы почти сформировавшийся новый халифат, сцементированный исламским ревизионизмом и располагающий успешней подрасти в гражданских войнах в Ливии и Сирии новой ваххабитской пехотой. С ее помощью он будет продолжать расширяться на Запад — за счет территории европейской цивилизации, и на север — в сторону России. Вот здесь-то Дании и вспомнят карикатуры на пророка Мохаммеда. После хозяйничанья американцев в регионе останется много проблем. По старой традиции все они достанутся европейцам, которые на этот раз окажутся в кольце воинствующего исламизма. В свое время пример Косово убедил не многих. Теперь прямые последствия «арабской весны» будут выглядеть на много убедительнее.

III. ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И «МЯГКАЯ СИЛА» США

Цветные революции — собирательное название процессов смены политических режимов, в которых значительная роль отводится применению технологий «мягкой силы». В целом «мягкая сила» — это возможность достигать целей на внешнеполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. Это особый тип внешнеполитической деятельности, связанный с распространением влияния одного государства на другие через средства массовой коммуникации, популярную и высокую культуру, предоставление услуг образования, благоприятную экономическую среду, распространение привлекательных гуманитарных и политических идеалов, собственной оригинальной системы ценностей, которую хотели бы импортировать другие субъекты международных отношений.

Сила в теории международных отношений — это способность влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении, устанавливать различные формы зависимости одного государства от другого. В последние четверть века в политологическом дискурсе все чаще делают различие между «жесткой силой» («hard power») и «мягкой силой» (или «мягкой мощью», «гибкой властью» — «soft power»). Причинами появления вопросов, связанных с «мягкой силой», безусловно, являются усиливающаяся взаимозависимость государств мира, глобализация и стремительное развитие информационных технологий.

На современном этапе мирового развития «мягкая сила» становится одним из ключевых факторов влияния государств на мировую политику. Как справедливо заметил глава Россотрудничества К. Косачев, XXI век — эпоха инструментария «мягкой силы», и в выигрыше будет тот, кто им овладел раньше и лучше других.

Конечно, «жесткая сила», военно-политический и экономический вес государств играет огромную роль. Но в современном мире влияние государства оценивается не только по количеству танковых дивизий или финансовой мощи страны. Все большую роль в современных международных отношениях играет именно концепция «мягкой силы», которая позволяет оказывать влияние на другие государства невоенными методами. В настоящее время уже недостаточно сильного вооружения — сегодня все чаще победоносными оказываются информационные войны, сражение за умы и сердца.

Особую актуальность тема исследования «мягкой силы» приобретает на фоне изобретения новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, властные

мировые элиты и национальные правительства. Возникнув как стержневой концепт школы американского политического либерализма, «мягкая сила» оказала существенное влияние на формирование внешней политики США, в том числе в государствах Восточной Европы, Большого Ближнего Востока и постсоветского пространства. Она породила концепции «демократических интервенций», «ответственности по защите» и «человеческой безопасности», стала ядром сценария цветных революций и «арабской весны». Все это требует тщательного изучения различных доктрин и инструментов «мягкой силы», их эффективности и той меры ответственности, которую должно нести современное государство, использующее «мягкую силу» в интересах внешней политики и транслирования своих ценностей другим акторам международных отношений.

Стратегия «мягкой силы» впервые была четко осмыслена, сформулирована и актуализирована на уровне политологической концепции в 1990 году профессором Гарвардского университета, одним из наиболее известных специалистов по проблемам международных отношений Джозефом Наем-мл. Концепция Дж. Найа предвосхитила такую важную веху в трансформации инструментов мирополитического влияния, как война в Персидском заливе и освещение этой войны американским международным телеканалом CNN. Можно считать, что это событие положило начало качественным трансформациям власти и влияния в мировой политике.

«Мягкую силу» Най определил как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек». Особое внимание он обращал на то, что в нынешнюю эпоху информационной революции фактор привлекательности той или другой страны играет гораздо большее значение, чем раньше. «Мягкая сила» предусматривает продвижение интересов государства путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее ценностях, достижениях в культуре и интеллектуальной сфере. «Мягкую силу» определяют как производную от трех ресурсов государства: его культуры, политических ценностей и внешней политики.

Дж. Най рассматривает «мягкую силу» в качестве косвенного способа осуществления власти. «Мягкая сила» действует, побуждая других следовать (или добиваясь их собственного согласия следовать) определенным нормам поведения и институтам на международной арене, что и приводит ее к достижению желаемого результата фактически без принуждения.

По сути, именно Най предложил делить внешнеполитические ресурсы на те, которые служат принуждению («жесткая сила») и те, которые опираются на убеждение и привлечение («мягкая сила»). Это был новаторский подход, ведь принудительные меры часто сопровождаются насилием и сопротивлением этому насилию, что ведет к конфликтам и войнам. Более того, в современных условиях взаимозависимости политических и экономических процессов принуждение с большой долей вероятности может обернуться против того, кто его применяет. Поэтому актуальным вопросом мировой политики по-прежнему остается проблема оказания влияния без принуждения, используя иные, «мягкие» методы воздействия.

Согласно Дж. Наю, ресурсами «мягкой силой» в мировой политике выступает все то, что «вдохновляет и привлекает» к источнику соответствующего воздействия, позволяя тому, кто его контролирует, добиваться желаемого результата. «Мягкая сила» — это способность соблазнять и привлекать. Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, по мнению автора, глубоко соблазнительны. «Мягкая сила» может основываться и на призыве к другому государству следовать разуму, логике, так обставляя решение спорной проблемы, чтобы оно было приемлемо для другой стороны, чтобы оно не выглядело как ее поражение.

Эффективность «мягкой силы», использующей механизмы формирования предпочтений и ожиданий других, особенно возрастает в тех случаях, когда давление и принуждение утрачивают свою действенность и на первый план выносятся стратегия «непрямых действий». Следует заметить, что в некоторых случаях формировать предпочтения других можно с помощью не только нетрадиционных ресурсов, особо акцентированных Дж. Наем, но и ресурсов, обычно относимых к «жесткой силе». Так, сам факт наличия у государства могущественных вооруженных сил может служить источником восхищения, способствовать развитию сотрудничества других с обладателем этого ресурса. Представляется возможным отнести к «мягкой силе» военно-техническое, военно-образовательное сотрудничество, военную дипломатию, а также демонстрацию военной мощи в форме военных учений.

Привлекательностью обладает и сильная экономика, часто используемая как ресурс «жесткой силы». Однако экономическая модель и мощь государства могут быть и ресурсом «мягкой силы». В этом случае они влияют на формирование желания других стран сотрудничать с процветающей державой, поскольку это может означать прямые финансовые выгоды. Успешная модель экономического развития способна оказывать магнетическое влияние прежде всего на развивающиеся государства. Более того, в роли ресурса «мягкой силы» могут выступать не только фактическое состояние экономики той или иной страны, но даже прогностические оценки перспектив ее развития.

И все же традиционно к «жесткой силе» государств относят экономическую и военную мощь. «Жесткая сила» базируется на таких ресурсах, как военно-промышленный комплекс государства, характерный для войн пятого поколения (контактные войны), эффективность специальных служб, промышленный шпионаж, возможности по установлению экономических и/или дипломатических санкций в отношении тех или иных государств. Основной посыл «жесткой силы», таким образом, состоит в принуждении других контрагентов к определенным действиям. В основе же «мягкой силы» лежат культура, идеи, символы, мифы и особенно ценности. По мнению Наю, ценности демократии, личная свобода, мобильность и динамичность общества являются источниками «мягкой силы» США. Права человека, толерантность, особая позиция по таким вопросам, как смертная казнь и изменение климата, — ресурсы «мягкой силы» Европы. Государство, использующее «мягкую силу», насаждает определенные стандарты, правила и нормы, которыми

должны руководствоваться другие государства в своей внешней и внутренней политике.

Основой и «жесткой силы», и «мягкой силой» субъекта международных отношений выступает способность достичь поставленной цели путем воздействия на поведение других акторов. Разница между ними заключается в инструментах: проецирование «жесткой силы» происходит через принуждение и навязывание своей воли, тогда как эффективное действие «мягкой силы» формируется через механизмы согласования внешнеполитических акций и вовлечение в сотрудничество более широкого характера, как правило, на базе единых ценностей, такому сотрудничеству благоприятствующих.

Применительно к реальной политике «мягкая сила» характеризуется тремя основными компонентами. Во-первых, культурой, определяемой как набор значимых для общества ценностей, не сводимый только к массовой культуре. Во-вторых, политической идеологией — политическими ценностями, которых государство придерживается как внутри страны, так и за своими пределами. В-третьих, внешней политикой, если она рассматривается как легитимная и пользующаяся моральным авторитетом. Первые два компонента — исторически сложившееся наследие нации, третий — субъективный фактор, приносимый находящимися в данное время у власти политиками. Параметры последней составляющей «мягкой силы» подвержены значительно большим изменениям, нежели первых двух ее компонентов.

Степень влияния «мягкой силы» различается в зависимости от уровня социально-экономического развития общества, его восприимчивости к происходящим в мире событиям. В целом «мягкая сила» основывается на таких ресурсах, как привлекательность национально-государственной экономической модели развития, привлекательность политической модели, культурно-ценностная привлекательность.

Экономическая основа «мягкой силы» — это сама экономическая модель, инвестиционная деятельность, программы помощи развитию. США, например, активно использует предоставление помощи для стимулирования демократических процессов в странах-реципиентах или, иными словами, для насаждения собственных политических ценностей. Инструментами экономического влияния являются и разнообразные международные экономические программы. «План Маршалла» и создание НАТО в 1948–1949 годах, например, стали важнейшими инструментами поддержания послевоенного экономического и военного лидерства США, служившего движению в этом направлении.

Политическое измерение «мягкой силы» — это характер отношений с другими государствами, участие в международных организациях, международный имидж данного государства в свете его внешней политики, которая должна быть легитимной и морально оправданной. Ресурс привлекательности политической модели, как правило, реализуется при помощи таких инструментов, как официальная и публичная дипломатия, международные СМИ и НПО. Важная характеристика государства, обладающего «мягкой силой», — это создание, культивирование определенных ценностей и норм, собственной политико-экономической модели и распространение, популяризация их за пределами

национальных границ. Огромную значимость для оценки «мягкой силы» имеют идеология и институты. Насаждение определенных стандартов, правил и норм поведения, которыми должны руководствоваться государства в реализации как внутренней, так и внешней политики, придание им статуса общепринятых и универсальных, а также создание соответствующих международных институтов, пропагандирующих эти нормы, — все это проявление «мягкой силы». Эффективный способ повышения «мягкой силы» государства — реализация такого внешнеполитического курса, который будет легитимен с точки зрения международного права и привлекателен для многих государств, разумная внешнеполитическая тактика. Этот тезис подтверждает пример современного Китая: взятый его руководством курс на невмешательство во внутренние дела других стран привел к существенному росту авторитета, расширению поддержки КНР среди развивающихся государств мира.

Культурное влияние «мягкой силы» — это привлекательность образа жизни, ценностей, культуры как таковой. Культурно-ценностная привлекательность как ресурс «мягкой силы» базируется в современных условиях на распространении массовой культуры: популярная музыка и фильмы, продукция фастфуда и т. д. При этом массовая культура, информационные технологии служат лишь проводником, прикладным инструментом насаждения этих норм. Инструменты «мягкой силы» включают коммуникацию, в том числе информационные технологии, и особенно Интернет, НПО, дипломатические представительства, культурные, научные и образовательные центры. А также крупномасштабные мероприятия — Олимпийские игры, чемпионаты по массовым видам спорта, международные форумы, саммиты и выставки. Носителями «мягкой силы» могут быть и известные торговые марки (бренды), достижения в науке, технике, искусстве и даже мода. Эти носители заполняют информационное пространство так, чтобы всегда присутствовать в сознании человека и прочно связывать то или иное достижение и страну-обладателя. Например, высокие технологии — Япония, высокая мода — Франция или Италия, автопром — Германия. Носители — это не только достижения современности, но и наследие прошлого, что особенно заметно в сфере туризма, когда величественные монументы древности служат имиджу сегодняшних стран. Еще один инструмент связан с продвижением вонне национального языка. Как правило, такое продвижение осуществляется посредством специально созданных для этого глобальных структур, имеющих как официальный, так и неправительственный статус.

Внешняя политика государства может лишь усиливать или ослаблять ответственность «мягкой силой». Война в Ираке в 2003 году нанесла, по мнению Дж. Наю, удар по привлекательности всего американского в большей части мира; аналогично интервенции СССР в Венгрии (1956) и Чехословакии (1968) негативно повлияли на восприятие СССР народами стран даже «социалистического лагеря». В то же время советский прорыв в космос сыграл обратную роль. Нужно заметить, что каким бы привлекательным государство ни выглядело в глазах других акторов международных отношений, одно неправомерное решение нивелирует все старания и меняет образ на диаметрально противоположный. Силовые методы, непосредственное вмешательство во внутренние

дела других стран, грубое насаждение своих ценностей приводят в конечном итоге к существенному падению «мягкой силы».

Дж. Най дает весьма интересную оценку ресурсной базе «мягкой силы» полюсов мирового развития на период середины первого десятилетия XXI века. Так, первый ее «столп» применительно к США — привлекательность американской культуры и образа жизни. Автор указывает на лидерство США по таким показателям, как численность принимаемых эмигрантов, объем выпускаемой телепродукции, количество иностранных студентов в США и число американцев среди нобелевских лауреатов в области физики, химии и экономики. Приведенные цифры показывают, что еще в первой половине 2000-х годов почти 80% респондентов из 43 стран мира восхищались достижениями США в области науки и технологии (высокая культура), а около 60% — любили американскую музыку и телевидение. Второй «столп» «мягкой силы» США — американская политическая идеология; полностью или частично ей симпатизировали половина опрошенных. И сейчас ученые считают США кузницей нобелевских лауреатов, женщины — оплотом феминизма, болельщики поклоняются американскому спорту, киноманы — Голливуду, дети — Диснейленду, интернетчики — родине Интернета и глобальных социальных сетей.

Европейские страны с точки зрения «мягкой силы» Дж. Най считает единым центром глобального значения. Несмотря на отставание в военной и экономической областях, Европа выступает серьезным конкурентом США в борьбе за умы и сердца. Европейские языки, восприятие Европы как оазиса процветания (в условиях 2004 года), самые высокие в мире показатели социально-экономического развития (опять же до кризиса), а также французское вино, итальянская мода, немецкий автопром, европейские курорты и швейцарская надежность — все это образы, относящиеся к культурной привлекательности Европы и европейцев. Политические ценности, их «мягкая привлекательность» и (что выгодно отличает Европу от США) ориентация европейских политиков на сотрудничество при решении международных вопросов с привлечением многосторонних институтов, акцент на невоенном решении конфликтов — устойчивые черты европейского имиджа в международном сообществе.

Среди азиатских стран Дж. Най особо говорит о Японии, которая, по его мнению, обладает крупным ресурсом «мягкой силы». Одно из лидирующих мест в мире по количеству зарегистрированных патентов, первое место по оказанию помощи зарубежным странам, наибольшая продолжительность жизни — таков выигрышный образ Японии в глазах мира. Отличительной чертой японской «мягкой силы», особенно в развивающемся мире, является ее успешный опыт модернизации, достижение сопоставимого с американским и европейским уровнем экономического развития без ущерба для самобытной японской культуры. Любопытна корреляция между «мягкой силой» и «жесткой силой» Японии. Несмотря на экономический спад на рубеже веков, привлекательность страны в целом выросла даже больше, чем в условиях экономического бума 1980-х годов. Еще популярнее стали японская бытовая техника, архитектура, мода, еда, искусство мультипликации. Явно улучшилось общее восприятие Японии. При этом главным ограничителем «мягкой силой» этой

страны американский политолог считает внутренней ориентацией ее культуры на сохранение, консервирование особенностей ее деловой этики и образа жизни. Именно такая внутренняя установка мешает Японии претендовать на более широкое распространение своего влияния.

Конечно, многие оценки Дж. Ная сегодня уже устарели. Так, например, Дж. Най отмечает, что главным фактором, сдерживающим влияние «мягкой силы» Китая, является внутренняя политика Коммунистической партии Китая. А дополнительным ограничителем — нарастающие опасения в США перед КНР как потенциальным соперником Америки. Однако сегодня именно Китай является наиболее динамично развивающимся государством в сфере применения «мягкой силы», привлекая примером собственной эффективной экономической модели и мощным историко-культурным наследием. Сами же США сегодня стремятся заменить силовые механизмы обеспечения американской гегемонии в мире инструментами «мягкой силы», сделав упор на идеологическую привлекательность США, однако результаты этих усилий уже мало кого впечатляют.

Но многие выводы Дж. Ная и по сей день сохраняют актуальность. Так, США — все еще крупнейший экспортер в мире по объему культуры: киноиндустрия, музыка и др. Кроме того, весомым вкладом в фактор «мягкой силы» является качество высшего образования, привлекающее иностранных студентов. А также тот факт, что университеты США доминируют в рейтинге Times Higher Education's top-200 и в настоящее время более 70 нынешних и бывших премьер-министров и президентов обучались в университетах США. Великобритания и Франция имеют традиционно огромное культурное наследие, исторические связи со многими странами, в том числе и с бывшими колониями, членство в различных международных организациях и поэтому обладают солидной «мягкой силой». Германия вкладывает огромные бюджетные средства в публичную дипломатию, например, в обеспечение деятельности Международной телерадиокомпании ФРГ «Немецкая волна» или «Института Гёте», проводя тем самым работу по продвижению немецкого языка и культуры за рубежом; правительство Германии также осуществляет мероприятия по увеличению количества иностранных студентов до 10% от общего числа студентов ФРГ. В активе «мягкой силы» Австралии — наличие уникальных уголков природы, культурные ценности, привлекательность политических институтов, высокое качество образования, привлечение иностранных студентов. И так далее.

Следует отметить, что «мягкой силой» могут обладать не только государства, но и транснациональные корпорации, глобальные неправительственные организации, отдельные харизматичные личности и даже международные террористические сети. Существовая в «другом измерении» международных отношений, негосударственные субъекты оказывают непосредственное влияние на мировые процессы, зачастую пользуясь почти исключительно ресурсами «мягкой силой». Основной причиной усиления влияния этих акторов стало возникновение сетевых субъектов и информационная революция.

В начале XXI века ведущие страны мира находятся на пороге перехода

из эпохи постиндустриального общества в информационное. В этих условиях — информационно-коммуникационной революции, увеличения акторов, участвующих в глобальном управлении, усложнении системы международных отношений в целом — все более актуальной становится концепция «умной силы» («smart power») — комбинации методик «мягкой» и «жесткой» силы.

Появление этого типа силы непосредственно связано с международными событиями начала нового тысячелетия. Именно в этот период времени мировая политическая система столкнулась как минимум с двумя качественно новыми вызовами. Во-первых, после 11 сентября 2001 года началась всеобщая война с международным терроризмом. Во-вторых, охват Интернета оказался в полной мере глобальным и достиг критически значимой точки, что привело к тому, что он начал выполнять совершенно новую социальную функцию.

Авторами концепции «умной силы» стали уже упоминавшийся профессор Джозеф Най и бывший заместитель госсекретаря в администрации Дж. Буша-мл. Ричард Армитадж. Еще в 2003 году Дж. Най подразумевал под властью способность добиваться желаемых результатов тремя путями: принуждением, подкупом и привлекательностью. Два первых подпадают под понятие «жесткой силы», в то время как привлекательность — это признак «мягкой силы». Вводя термин «мягкая сила», Дж. Най указывал на недостаточность использования одного из этих двух базовых ресурсов отдельно от другого. Весной 2007 года Най и Армитадж подготовили рекомендации для будущей администрации Б. Обамы под названием «Более умная, более безопасная Америка», где был прописан концепт «умной силы».

«Умная сила» — это умение использовать полный набор инструментов, имеющихся в распоряжении государства — дипломатических, экономических, политических, правовых и культурных — выбирая правильное средство или их комбинацию для каждой конкретной ситуации. «Умная сила» является динамичной комбинацией «жесткой силы» (принуждения посредством военной, политической, экономической мощи) и «мягкой силы» (влияния без принуждения). При этом пропорция «жесткой силы» и «мягкой силы» во внешнеполитическом инструментарии должна меняться в зависимости от контекста и объекта влияния, «умная сила» основывается на свойстве эффективно мобилизовать все доступные ресурсы в политических целях и оптимально ими распорядиться.

Новая концепция не исключает применения военного или экономического давления, однако особое внимание уделяется созданию и укреплению партнерских и союзнических отношений с другими странами или частью зарубежной общественности. По мнению авторов концепции, «умная сила» — это синоним правильной, эффективной политики, своеобразная комплексная модель современного мирового лидерства (в данном случае США), включающая в себя информационно-интеллектуальное влияние, многосторонность, способность продуктивно управлять международным развитием и решать глобальные проблемы.

Оригинальную трактовку концепция «умной силы» получила в научном дискурсе Китайской Народной Республики. Согласно трактовке одного из ведущих китайских политологов, автора концепций «цзунхэ шили» (ком-

плексной государственной мощи) Янь Сюэтуна, комплексная сила страны сочетает в себе «жесткую» и «мягкую силу» не как сумма, а как произведение двух компонентов. Соответственно, при утрате «мягкой» или «жесткой силы» совокупная национальная мощь государства фактически сводится к нулю. По утверждению Янь Сюэтуна, с которым трудно не согласиться, невозможно быть могущественной державой, располагая в своем внешнеполитическом инструментарии лишь «жесткой» или «мягкой» силой: использование их обеих важно для процветания страны.

Во внешнеполитической плоскости эта концепция была сформулирована в США в 2008 году в подготовленном Центром стратегических и международных исследований докладе двухпартийной группы экспертов. «Умная сила» определялась там как «предоставление глобальных благ, к которым стремятся люди и правительства во всем мире, но не могут достичь в отсутствие американского глобального лидерства». В этом контексте предлагалось сконцентрировать усилия на пяти критических областях: обновление международных союзов и институтов; повышение роли инструментов развития во внешней политике США; развитие общественной дипломатии; экономическая интеграция; упор на технологии и инновации, особенно в энергетике и экологии. Занимая в 2009–2013 годах пост госсекретаря Х. Клинтон значительно сместила акцент с «мягкой силы» на «умную силу», которая, по ее мнению, стала эквивалентом компетентной внешней политики, которая не должна использовать один и тот же набор инструментов для решения различных проблем.

Особый упор был сделан на развитие ключевых ресурсов «умной силы» — информационных технологий нового поколения, сетевых ресурсов, блогов и, конечно, социальных сетей (Facebook, Twitter, Youtube). Именно с помощью этих инструментов Вашингтон стремится управлять социальными процессами в других странах и осуществлять информационную войну против своих геополитических соперников. Особое значение придается главному инструменту «умной силы» — так называемой новой публичной дипломатии, или публичной дипломатии Web 2.0. Публичная дипломатия Web 2.0. — это механизм влияния на зарубежную аудиторию посредством размещения радио- и телепередач в сети Интернет, распространения в открытом доступе литературы о США в цифровом формате, мониторинга дискуссий в блог-пространстве, создания персонализированных страничек членов правительства США в социальных сетях, рассылки информации через мобильные телефоны и т. д. Программы интерактивного радио и телевидения позволяют правительству США быстро достигать потребителей, мгновенно получать обратную реакцию (feedback) аудитории и, как следствие, изменять содержание своей информационной пропаганды.

Основным адресатом новой публичной дипломатии является молодежь и студенчество. Так, электронные журналы о США оказывают влияние на молодое поколение зарубежных стран, так как оно особенно чутко воспринимает информацию через визуальные и клиповые образы. Мониторинг социальных сетей позволяет Вашингтону направлять дискуссии блогеров в нужное русло и мобилизовать группы протестной молодежи и диссидентов. Создание пер-

сональных страничек представителей политического истеблишмента на таких платформах, как Facebook и Twitter, способствует выстраиванию реального общения между представителями Вашингтона и участниками социальных сетей, чья аудитория также в значительной степени состоит из молодых людей. Рассылка же SMS-сообщений на мобильные телефоны зарубежных граждан позволяет правительству США добраться даже до тех, кто не имеет доступа к сети Интернет; и т. д. и т. п.

«Мягкая сила» и «умная сила» играют все более заметную роль в международных отношениях и при умелом использовании могут быть весьма эффективны. Конечно, идея использования невоенных, несиловых, «мягких» средств для достижения результатов в политике не нова. Ее глубинные истоки можно проследить еще в социально-философских воззрениях древности. В новейшей истории концепция «мягкой силы» нашла широкое и наиболее утилитарное применение в американской политике в годы «холодной войны», а также в период администрации Б. Клинтона. Концепт «мягкой силы» США, актуализированный Дж. Наем в 1990-х годах, базировался не только на потенциальных возможностях этой сверхдержавы, но и на впечатляющих результатах ее внешней и внутренней политики. Именно США стали широко использовать во внешней политике возможности «мягкой силы». «Мягкая сила» стала одним из самых важных факторов победы Соединенных Штатов в «холодной войне». В начале нового века с помощью технологий «мягкой силы» был осуществлен ряд «цветных революций» на постсоветском пространстве.

Важная характеристика государства, обладающего «мягкой силой» — это создание, культивирование определенных ценностей и норм, собственной политико-экономической модели и распространение, популяризация их за пределами национальных границ. В этом смысле только государства, способные предложить собственную систему общественно-политических ценностей и претендующие на определенную роль в мировой политике, статус центра силы, могут обладать «мягкой силой».

В ряду государств, обладающих на современном этапе значимой «мягкой силой», следует выделить в первую очередь США, страны ЕС и Китай. При этом американской гегемонии в этой сфере больше не существует; «мягкая сила» Соединенных Штатов за последние годы уменьшилась, в то время как КНР продолжает стремительно ее наращивать. Но и другие крупные государства пытаются включить «мягкую силу» в свои внешнеполитические стратегии и расширить ее влияние.

Российская Федерация не является исключением. Обладая значительными ресурсами и потенциалом для реализации «мягкой силы» на международной арене, Россия, тем не менее, пока еще значительно отстает от своих визави. При этом нельзя сказать, что у нашей страны нет подобного исторического опыта, наоборот, Советский Союз располагал достаточно мощными и эффективными институтами «мягкой силы» еще до появления такого понятия. Однако ввиду целого ряда причин после распада СССР в 1991 году на протяжении полутора десятилетий ресурсы «мягкой силы» России были практически не задействованы.

Впервые на государственном уровне о «мягкой силе» как о внешнеполитической концепции и стратегии заговорили в 2008 году руководители отечественного МИДа. В 2012 году президент В. В. Путин призвал развивать технологии «мягкой силы», а в 2013-м этот термин появился в Концепции внешней политики Российской Федерации. Согласно Концепции, ««мягкая сила» — это комплексный инструментарий решения внешнеполитических задач с опорой на возможности объединений граждан, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие методы и технологии, альтернативные классической дипломатии». «Мягкая сила» признается «неотъемлемой составляющей современной международной политики».

На сегодняшний день руководство страны уже предприняло целый ряд важных шагов и инициатив в рамках реализации стратегии «мягкой силы». Запущены и активно работают интернет-сайты Президента, правительства, МИД и многих других ведомств, которые содержат значительный объем информации о визитах и встречах лидеров и ведущих дипломатов страны с зарубежными коллегами, состоянии отношений с различными странами и регионами мира, международными организациями. Руководители МИД общаются с журналистами, дают подробные интервью, выступают на научных конференциях и собраниях общественности с разъяснениями внешней политики страны. Появляются все новые государственные и общественные организации, использующие инструменты «мягкой силы», развиваются традиционные и электронные СМИ, вещающие на зарубежную аудиторию с целью распространения объективной информации о нашей стране, ее истории и культуре. Наряду с этим осуществляется активный культурный обмен в рамках проводимых выставок, фестивалей, концертов и конференций, в ходе которых зарубежной аудитории удастся донести объективную информацию о России. На регулярной основе проходят перекрестные года между Россией и другими странами, проводятся масштабные международные мероприятия и т. д.

Сегодня Россия располагает значительным потенциалом «мягкой силы». В первую очередь, конечно, следует сказать о мощном культурно-историческом наследии нашей страны. Кроме того, среди ресурсов «мягкой силы» необходимо выделить многомиллионную русскоязычную диаспору за рубежом; русский язык, на котором в мире говорят (или, по крайней мере, понимают) почти 300 миллионов человек; российское высшее образование и науку; религиозное влияние, особенно когда речь идет о Русской православной церкви. Немаловажным в этой связи является тот факт, что Россия занимает второе место в мире по числу принимаемых мигрантов. Наконец, геополитический вес страны, самостоятельная позиция по основным вопросам мировой политики, статус глобальной ядерной, энергетической и космической державы, место постоянного члена Совета Безопасности ООН. А еще активное участие в динамично развивающихся международных структурах, таких как Евразийский Союз, ШОС и БРИКС. Все это является значимым ресурсом «мягкой силы» Российской Федерации.

Вместе с тем на пути проведения эффективной политики «мягкой силы» существуют серьезные препятствия. Основная проблема заключается в том,

что у российской «мягкой силы» на данный момент нет должной системности, отсутствуют четко обозначенные цели, потенциальные инструменты их достижения действуют скорее самостоятельно, нежели как единый целостный механизм. Многоцветная палитра различных аспектов «мягкой силы» хотя и координируется в МИД России, но реально находится в ведении других организаций (Россотрудничества, фонда «Русский мир», телеканала RT, Международного информационного агентства «Россия сегодня» и др.). Сама концепция «мягкой силы» была лишь сравнительно недавно закреплена на государственном уровне. Достаточно остро стоит вопрос финансирования проектов в этой области, налицо недостаточная связь госструктур с гражданским обществом и бизнесом. В этих условиях сегодня используется далеко не весь возможный потенциал «мягкой силы» Российской Федерации.

Не вызывает сомнения, что необходимо решать целый комплекс задач по оптимизации политики «мягкой силы» России. Назрел вопрос о создании единой государственной структуры, которая бы координировала деятельность всех акторов «мягкой силы» России. Важно увеличивать финансирование подобных проектов, укреплять институциональную базу, выявлять наиболее подходящую целевую аудиторию для трансляции российской «мягкой силы» и т. д. В целях улучшения внешнеполитического имиджа Россия должна четко артикулировать собственное видение развития международных отношений. Следует акцентировать внимание на неотъемлемых правах всех участников многополярного мира на выбор собственного пути развития и справедливый доступ к источникам глобального роста; на уважении к другим народам и государствам; на необходимости верховенства международного права и решения международных споров мирными средствами; на скорейшей реформе мировых финансово-экономических институтов. Другими словами, Россия должна выработать и отстаивать на международной арене собственный привлекательный для других стран вариант «мягкой силы», который может быть представлен, например, концепцией «собранной, сосредоточенной, разумной силы».

Грамотное использование ресурса «мягкой силы» без сомнения позволит России активизировать скрытые возможности, которые могут оказать серьезное влияние и на ее внутреннее развитие, и на место в системе международных отношений. Сегодня Российская Федерация обладает рядом конкурентных преимуществ в этой области, включая и элементы историко-цивилизационного наследия, и новые наработки. Чтобы сохраниться как экономически сильное, политически самостоятельное, суверенное и целостное государство, имеющее свои культурно-исторические традиции, национальное самосознание, духовные основы, как страна, способная успешно противостоять недружественным попыткам навязать чуждые морально-этические ценности и политико-экономические модели, России требуется дальнейшая работа в области «мягкой силы».

Современная модификация «мягкой силы» уже многократно доказала свою сокрушительную эффективность благодаря новому мощному инструменту — информационно-коммуникационным технологиям. Именно им отводится ключевое значение в геополитических потрясениях последнего времени —

волне цветных революций, прокатившихся по странам Восточной Европы, постсоветского пространства и мусульманским государствам Северной Африки и Ближнего Востока, где с помощью технологий «мягкой силы», а затем и «умной силы» были демонтированы существовавшие десятилетиями политические режимы.

Эпоха цветных революций в современном понимании этого термина началась в 2000 году на площадях югославского Белграда. Всего через три года они перекинулись на постсоветское пространство — в ноябре 2003 года в Грузии произошла «революция роз». В последующие полтора года в результате развития протестного движения, мобилизации оппозиционных сил и неправительственных структур, реализации инновационных предвыборных технологий и методов внешне «ненасильственной» смены власти, а также активного вмешательства извне еще в двух бывших республиках СССР — Украине и Киргизии — также произошла смена политических режимов. Затем этот процесс приостановился, однако в начале второго десятилетия XXI века подобные «революции», уже с использованием обновленных методик, вновь произошли сразу в нескольких странах Северной Африки и Ближнего Востока, получив название «арабской весны», а затем вернулись в центр Восточной Европы — Украину. Более того, магистральной тенденцией последних лет стала радикализация этого явления, превращение изначально ненасильственных (по крайней мере формально) цветных революций в вооруженные государственные перевороты и кровопролитные гражданские войны, за которыми зачастую следовало военно-силовое вмешательство внешних акторов.

На постсоветском пространстве — регионе, имеющем ключевое значение для России, — цветные революции произошли в 2003–2005 годах в Грузии, Украине и Киргизии. Во всех случаях формальным поводом к массовым протестам и последующей смене режима послужили обвинения правящих режимов в электоральных манипуляциях на общенациональных выборах.

Как и любое геополитическое явление, цветные революции имеют достаточно сложный характер, обладая при этом набором определенных характерных признаков. В первую очередь, стоит остановиться на причинах и предпосылках этих «революций» (термин берется в кавычки, так как между цветными революциями начала XXI века и «классическими» революциями Нового времени лежит настоящая пропасть), как объективных, так и субъективных.

Одной из основных причин возникновения протестного движения в Грузии, Украине и Киргизии стали социально-экономические проблемы. После крушения СССР население этих стран оказалось в положении наиболее проигравших из бывших союзных республик по итогам постсоветского развития. Грузия и Украина потеряли роль экономических лидеров, которая имела у них в Советском Союзе, а Киргизия в Центральной Азии едва ли не сравнялась по экономическому развитию с разрушенным гражданской войной Таджикистаном. Но начиная с 2000 года Грузия, Украина и Киргизия стали демонстрировать определенный экономический рост, что, в свою очередь, качественно поменяло массовые настроения в этих странах, особенно в среде появившегося среднего класса и молодежи.

Социально-экономические сдвиги оказали серьезное воздействие на характер взаимоотношений в рамках социальной иерархии Грузии, Украины и Киргизии. Такие общественные группы, как политическая элита, приближенный к власти крупный бизнес, бюрократия демонстрировали стремительный рост своего благополучия. Но учителя, врачи, ученые, различные специалисты, все те, кто обладал высокой образовательной статусной позицией, не могли в материальном плане соответствовать высокому уровню жизни, доступному чиновникам и крупным бизнесменам. Сразу в нескольких социальных группах (мелкий и средний бизнес, молодежь, пенсионеры) начали тлеть очаги жгучего недовольства по отношению к правящему режиму. В отсутствие воли к преобразованиям и богатых природных ресурсов у правящей политической элиты не оказалось достаточно возможностей для умиротворения недовольства данных групп населения, вознаграждения сторонников и нейтрализации оппозиции. В этих условиях стало давать трещину единство элит, что в итоге явилось одной из важнейших предпосылок для победы цветных революций.

Если говорить о политических причинах и предпосылках цветных революций в Грузии, Украине и Киргизии, то главной из них, пожалуй, стала нестабильность политических систем этих государств. К началу нового тысячелетия Э. Шеварднадзе, Л. Кучма и А. Акаев выстроили систему, которая обеспечивала контроль над политической жизнью страны. Но в каждой стране были свои специфические проблемы. Власть во всех трех случаях концентрировалась в руках президента, а формальные полномочия дополнялись неформальной системой патрон-клиентских отношений. Когда же их правление начало подходить к концу, выяснилось, что стабильность режимов оказалась мнимой и целиком зависимой от состояния президентской власти. В итоге процесс передачи власти обернулся серьезной проблемой для всей политической системы, а в условиях выборов, сопровождавшихся электоральными манипуляциями, низкая популярность лидеров Грузии, Украины и Киргизии привела к общественному взрыву.

Среди других причин, приведших к цветным революциям, следует назвать отсутствие общей идеологии и регионализм. В Украине цивилизационный раскол выражался в противостоянии между Востоком и Западом; в Киргизии — между Севером и Югом; в Грузии — в утрате контроля над целым рядом территорий. Следствием сильного регионализма в этих странах стала фрагментация элит, существование клановых групп и противоречий между ними. Все это создавало возможности для формирования оппозиции, а в отсутствие скрепляющей общество единой государственной идеологии и национальной идеи — и для ее победы.

Перечисленные выше проблемы в трех странах, однако, не могли сами по себе привести к созданию «революционной» ситуации. Для перехода общественного недовольства в критическую фазу был необходим внешний фактор. И таким фактором выступили технологии «мягкой силы» США и Европейского Союза. Речь идет о появлении и распространении из-за рубежа программ по продвижению демократии. Импортированные из-за рубежа программы поддержки и развития демократии, реализуемые в основном иностранными

и местными неправительственными организациями, обеспечивали оппозиции поддержку в областях, где она была достаточно слаба: электоральный мониторинг, развитие оппозиционных СМИ, мобилизационные возможности для протестов и т. д. При этом неправительственные организации, обличавшие правящие режимы и пропагандировавшие стандартный набор ценностей либеральной демократии (свобода личности, свобода прессы, свобода политической деятельности, свободные равные выборы и т. д.), при поддержке с Запада появились и развернули активную деятельность в Грузии, Украине и Киргизии еще задолго до «революций».

Активность НПО на территории Украины, например, всегда основывалась на мощной финансовой поддержке со стороны западных стран, в первую очередь США, и держалась на пике с момента распада Советского Союза до победы «оранжевой революции». За эти годы с американской помощью была реализована почти тысяча проектов на сумму 3 млрд долларов. Особое значение уделялось работе с молодежью. После 2004 года эта деятельность, разумеется, была продолжена.

Характерно, что программы по продвижению демократии (включая различные социальные, культурные, образовательные и научные проекты) накануне цветных революций во всех трех странах проводили и финансировали одни те же организации: Агентство США по международному развитию, «Фридом Хаус», Корпус мира, Национальный фонд в поддержку демократии, Международный республиканский институт, Национальный демократический институт по международным делам, Институт «Открытое общество» Дж. Сороса, Международная лига по правам человека, Международная Хельсинкская федерация, Международная антикризисная группа и ряд других. Более того, одни и те же активисты-инструкторы переезжали из страны в страну, весьма эффективно подготавливая почву для очередной трансформации режима.

Помимо гуманитарной деятельности, сторонники скорейшей демократизации Грузии, Украины и Киргизии энергично критиковали коррупцию, клановый характер власти, попытки сохранить власть после истечения законом отведенных сроков и т. п. Важно, что помимо непосредственно критики существовавшей системы государственного управления этот дискурс способствовал и выдвигению новых оппозиционных лидеров. Подобные дискуссии играли существенную роль в политизации общественного недовольства и, как следствие, мобилизовали протестный электорат, выплеснув в итоге его на улицы грузинских, украинских и киргизских городов.

В ходе осуществления цветных революций был использован целый арсенал «революционных» политехнологий, то есть технологий из области «мягкой силы», в той или иной мере ранее уже опробованных в других государствах.

В первую очередь следует сказать о ненасильственном характере цветных революций. Различные общественные организации и СМИ, финансируемые Западом, активно способствовали внедрению идеи «о недопустимости насилия» со стороны правоохранительных органов и силовых структур по отношению к безоружным демонстрантам или митингующим, чем фактически лишали действующую власть рычагов влияния на складывающуюся ситуацию.

Претендующая на власть оппозиция, почти буквально следуя инструкциям автора и идеолога ненасильственной смены власти Дж. Шарпа, сознательно и принципиально придерживалась мирной тактики. Наиболее известным эпизодом всех трех революций (собственно, почему они и называются «цветными») стала демонстрация ненасильственного характера в виде дарения цветов милиционерам и солдатам внутренних войск, стоявших в оцеплении на митингах оппозиции. Благодаря такой тактике протестующих авторитарные лидеры опасались использовать армию или службы безопасности, чтобы подавить протест, лишая тем самым себя важнейшего (и, заметим, вполне легального) рычага давления на протестующих.

Экспрессивный и молниеносный характер — еще одна особенность цветных революций. Все этапы «революционной» борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества, включая преимущества сетевых структур, манипуляцию общественным сознанием посредством мировых СМИ и т. п. По сути, и в Грузии, и в Украине, и в Киргизии «революция» состоялась в течение одного месяца. Причем характерно, что все цветные революции произошли после выборов и решающую роль в начале «революционного» процесса сыграло голосование в столицах этих государств, то есть голосование активной части населения Тбилиси, Киева и Бишкека. Очень большую роль в этом сыграли созданные незадолго до выборов молодежные организации, представлявшие наиболее мобильную часть населения.

Немаловажной составляющей цветных революций стала кампания неповиновения власти, которая заключалась в организации массированного давления на органы исполнительной власти на различных ее уровнях. Формы такого давления были различны: митинги и забастовки всех видов, голодовки, блокирование информационных линий и транспортных коммуникаций, снятие указателей госучреждений, бойкот выборов, отказ от уплаты налогов, отказ от должности и работы с правительством и даже демонстративный отказ от выполнения супружеских обязанностей.

С кампанией неповиновения была тесно связана тактика парализации работы органов государственной власти, что вылилось в пикетирование и блокирование митингующими зданий исполнительной, законодательной и судебной власти. В итоге вопросы о форме общения с оппозицией для государственных служащих стали более важными, чем выполнение основных задач государства. Убеждение властей в «недемократичности» применения мер принуждения ради сохранения элементарного порядка и безопасности фактически привело к добровольному отказу государства от права и обязанности на легитимное насилие. Важным элементом стало использование фактора переговоров, целью которых стало, с одной стороны, создание видимости готовности лидеров демонстрантов пойти на компромисс и диалог с властью, а с другой — и это главное — выигрывалось время, необходимое для продолжения дестабилизирующих действий.

Практически беспроектной тактикой оппозиционеров стало провоцирование силовых структур на насилие. Провозглашая мирный характер

манифестаций и наращивая одновременно с этим «мягкое давление» на власть, «революционеры» провоцировали органы правопорядка на применение силы и пытались воспользоваться любым предлогом для выдвижения обвинений в «непропорциональном насилии» режима над собственным народом. По сути, речь шла о провоцировании правоохранительных органов на применение против активистов, в первую очередь из молодежных оппозиционных движений, силовых приемов, которые средствами дружественной прессы моментально получали широкий резонанс как неопровержимое доказательство преступных действий властей. При этом, несмотря на настойчивое подчеркивание их «ненасильственного характера», в реальности все обстояло гораздо сложнее. Вряд ли можно считать инструментами ненасильственного и мирного протеста «захват земель ненасильственными методами», «снятие одежды догола в знак протеста», «грубые жесты», «насмешки над должностными лицами», «демонстративные похороны», «политический траур», «насмешки над выборами», «ненасильственное преследование», не говоря уже о «возведении баррикад» и «уничтожении частной собственности».

Еще одна черта цветных революций — создание территориального анклава и ненасильственная оккупация территории. Она подразумевала формирование области (или областей) внутри страны, где местные власти и влиятельные слои населения обеспечивали оппозиционному кандидату (или партии) безусловную поддержку. В дальнейшем она становилась плацдармом для объявления и расширения власти протестного движения и их лидеров. Это могла быть как центральная площадь в центре столицы (например, майдан Незалежности в Киеве), так и отдельные регионы страны, или и то, и другое.

Большое значение в ходе цветных революций оппозиционерами уделялось созданию благоприятного информационного поля: поддержке оппозиционных СМИ (чаще всего финансируемых из-за рубежа), формированию их имиджа как независимых и беспристрастных. Исключительно важной в этой связи стала работа с неправительственными аналитическими центрами и центрами социальных исследований, способствовавшая достижению необходимого информационного эффекта. Одновременно происходила глубокая проработка методологической базы протестного движения, уделялось большое внимание вопросам подготовки к массовым выступлениям. Активно циркулировали материалы, содержание которых позволяло участникам выступлений получить информацию о том, какие методы следует использовать, а каких избегать (в их основу были положены пресловутые 198 методов ненасильственных действий Дж. Шарпа). В период, предшествующий выступлениям, развертывалась активная кампания, направленная на культивацию сопутствующих информационных поводов. Стимулировался рост недоверия к государственной власти и выборной системе. Информация такого рода сопровождалась заявлениями заинтересованных лиц либо неправительственных организаций, имеющих определенный авторитет. Одним из самых эффективных приемов цветных революций стало использование технологии «политического спектакля», то есть создания обстановки максимально «грязных» выборов с целью формирования всеобщего ощущения их фальсификации или несправедливости, что вело

к делегитимации выборов. Причем подготовка к этому начиналась задолго до самих выборов. После же достижения некоторой критической величины «фальсификаций» на самих выборах, которую могла спровоцировать любая из сторон, исход голосования уже не поддавался надежному выяснению, и разрешение возникшего конфликта выносилось на улицу. Оппозиция, как правило, апеллировала к данным эксит-поллов, проводившихся близкими к ней социологическими службами в день выборов. Разумеется, их результаты однозначно говорили о победе оппозиционного лидера, что совершенно не совпадало с данными официальных избирательных комиссий. В практическом плане это лишало любого из избранных кандидатов легитимности, а сама функция легитимации возлагалась на какую-либо стороннюю инстанцию, иначе говоря, превращалась в вопрос внешнего признания результатов выборов. Одной из форм продолжения подобной деятельности, как показала практика, могло стать непризнание итогов голосования с активизацией выступлений оппозиции, увеличением числа митингующих, а также одновременным объявлением того, какой результат выборов будет признан законным.

Типичным элементом цветных революций стало разжигание агрессивной этничности. Оно имело целью сплочение наиболее радикальных социальных групп на основе этнической или национальной принадлежности, а также придание им статуса «локомотива» революционного движения. В Грузии и Украине (особенно на западе страны) отличительной особенностью подобных движений была их антироссийская направленность. При этом ядром актива для уличных акций подчас становились именно молодежные националистические движения, а в руководстве оппозиции тон, как правило, задавали либеральные политики, также не чуждающиеся национализма.

С технологией разжигания агрессивной этничности был связан и другой основополагающий механизм цветных революций — воздействие на чувства и эмоции. Он основывался на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, — справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее. Придание «революционной» патетике героико-романтического и патриотического ореола способствовало эффекту «эпидемии чувств», что приводило в итоге к многократному увеличению числа сторонников движения.

Формирование символа протестного движения также имело важное психологическое значение, одновременно выступая средством общения и идентификации единомышленников. В Грузии это была красная роза, в Украине — оранжевый цвет, в Киргизии — тюльпан. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях цветных революций активно использовались демонстрации элементарного цветового или графического знака (например, сжатый кулак в круге) или зрелища: шествия, флешмобы, «кольца», разного рода акции, транслируемые на оппозиционных каналах телевидения или в социальных сетях. Большое значение имело также задействование фактора цвета, который являлся принципиальным рычагом мобилизации протестного

движения. Так, оранжевый цвет сыграл колоссальную роль в победе украинской «революции»; красный цвет роз в Грузии также не был случайным выбором. Вообще, проработка геральдической составляющей была выполнена на достаточно высоком уровне. В разрабатываемых логотипах большое внимание уделялось историческому и политическому контексту, подчеркивались национальные либо наднациональные символы. Не вызывает сомнения, что над выбором цветов и символов оппозиции активно работали психологи и другие специалисты по нейролингвистическому программированию.

Зачастую человек, возглавлявший цветную революцию, сам становился и ее символом. Причем отнюдь не случайно во главе всех цветных революций оказались некогда высокопоставленные чиновники, попавшие в опалу и перешедшие в оппозицию к действующей власти. М. Саакашвили в Грузии, В. Ющенко (а затем А. Яценюк и др.) в Украине, К. Бакиев в Киргизии не являлись уличными политиками «из низов». Напротив, на момент «революций» они были узнаваемыми персонами, имели поддержку со стороны западных истеблишмента и общественного мнения, сохраняли прочные связи с политическим классом страны, что давало дополнительные возможности для раскола правящей элиты. Кроме того, среди лидеров «революции» неизменно оказывалась харизматичная женщина — Н. Бурджанадзе в Грузии, Ю. Тимошенко в Украине, Р. Отунбаева в Киргизии. Характерно и наличие в семье одного из лидеров «революции» гражданина дальнего зарубежья: супругой Саакашвили была гражданка Нидерландов С. Рулофс, а супругой Ющенко — гражданка США К. Чумаченко.

Наконец, общим правилом всех цветных революций являлось закрепление стереотипов, то есть внедрение в массовое сознание нескольких простых образов. Вся информационная и пропагандистская деятельность лидеров оппозиции сводилась к обличению противника, причем к обличению его человеческих и «общедемократических» пороков: «попирает свободу», «поощряет несправедливость», «лжет народу», «служит вражеским силам» и т. д. Вместе с тем подробному и скрупулезному изложению собственной программы социально-экономических и политических преобразований в случае прихода к власти «революционеры» уделяли значительно меньше внимания. Уклоняясь от изложения конкретной позиции, оппозиционные политики использовали туманные фразы и метафоры, сознательно или неосознанно подменяли цель планируемых «революционных» преобразований абстрактным политическим мифом. Для Грузии и Украины, например, одним из таких основополагающих мифов стало скорейшее вхождение стран в евроатлантические структуры — НАТО и ЕС.

Существует целый ряд крупных факторов, способствующих победе цветных революций в начале XXI века. В первую очередь надо отметить объективную слабость политических режимов Грузии, Украины и Киргизии. Масса нерешенных социально-экономических проблем, общественно-политическое брожение и особенно отсутствие решительного и твердого, уверенного в себе и своем окружении лидера стали, пожалуй, ключевым моментом в победе оппозиции. Цветные революции происходили в условиях ненасильственного

перехвата власти у того правительства, которое не решалось воспользоваться собственным правом на легитимное насилие против протестующих. Начавшийся в этих условиях раскол элит, переход наиболее активной их части в оппозицию действующей власти вкупе с пассивной реакцией силовых структур стали важнейшими составляющими успеха цветных революций. Воспользовались «революционеры» и стремлением официальных властей к соблюдению демократических ценностей, в частности, свободы слова и собраний. Наконец, цветные революции произошли в условиях несбалансированных политических систем. В Грузии, Украине и Киргизии наблюдался сильный перекос в сторону президентской власти. Несмотря на то, что именно этот перекос полномочий в сторону президента был заявлен как гарантия стабильности, в момент потери влияния президентом стабильность политической системы разрушалась.

Едва ли не решающее значение в победе цветных революций имела позиция силовых ведомств. То, что Шеварднадзе, Кучма и Акаев не использовали силовые структуры против оппозиционных масс и их лидеров, свидетельствует о том, что они либо не хотели их использовать, либо сомневались в их лояльности. Со своей стороны оппозиция заранее вела активный и целенаправленный поиск сторонников перемен именно в органах внутренних дел и государственной безопасности, весьма преуспев на этом направлении. Ни внутренние войска, ни армия, ни спецслужбы не выступили в защиту действующей власти против «народа», предопределив падение режимов. Характерно, что уже начиная с «бульдозерной революции» в Сербии в 2000 году именно спецслужбы первыми среди силовых структур заявляли о том, что не допустят применения силы против оппозиции.

Важным фактором победы цветных революций стало объединение разрозненной оппозиции и ее мобилизация на борьбу с режимом. Организаторами и технологами «революций» в Грузии, Украине и Киргизии, так же как в свое время в Сербии, а затем снова в Украине, была сделана ставка на укрепление блока как можно большего числа оппозиционных партий и создание единого фронта оппозиции. Политические силы, противопоставлявшие себя государственной власти, формировали основанные на взаимной поддержке альянсы, а интересы тактического характера отодвигались до момента завершения активной фазы акции. Также в определенный — и очень нужный — момент в стане оппозиции появлялась фигура харизматичного лидера — выходца из действующей власти, имевшего большой опыт и обширные политические и экономические связи внутри провластной элиты и за рубежом.

Критичной для успеха цветных революций оказалась возможность оппозиции мобилизовать значительное количество людей для протестов против фальсификации результатов выборов. Решающую роль в этом процессе сыграли сформированные незадолго до выборов оппозиционные молодежные структуры — «Кмара» в Грузии, «Пора» в Украине, «Кел-Кел» и «Бирге» в Киргизии (лекалом для которых служил сербский «Отпор») — «полевые отряды революции», помогавшие проводить мобилизацию и решать столь необходимые «революционерам» логистические задачи, особенно на начальном этапе протестов.

В Грузии в ходе «революции роз» активисты «Кмары» заранее наладили тесные контакты с оригинальной версией самих себя — сербским «Отпором», который принял активное участие в подготовке лидеров грузинского молодежного движения и тренингах по проведению манифестаций. Члены «Кмары» еще летом 2003 года обучались методам «ненасильственного гражданского сопротивления» в специальных лагерях на территории Сербии. Идя по стопам «Отпора», активисты «Кмары» заняли ключевую роль в организации уличных протестов, демонстраций, забастовок, голодовок и других описанных еще Дж. Шарпом акций ненасильственной борьбы.

А через год, в 2004-м, уже сами молодые грузинские оппозиционеры делились опытом с украинскими «коллегами» из «Поры» — наиболее заметной молодежной организации, которая стала проводником западных идей и ценностей в среде украинской молодежи накануне и в ходе «оранжевой революции». Благодаря своей гибкой структуре, большому количеству вовлеченных волонтеров, широкому охвату населения во всех регионах Украины, умелому взаимодействию с различными неправительственными организациями и солидной материально-технической базе «Поре» удавалось всегда оказываться на шаг впереди упреждающих действий властей. В конечном итоге — с успехом справиться с возложенной на нее задачей — всеми путями содействовать победе «оранжевой революции».

Едва ли не ключевую роль в победе цветных революций сыграл внешний фактор, который выразился в мощной и разносторонней поддержке оппозиции со стороны западных стран, в первую очередь США и Европейского Союза. На внешнеполитической арене западные союзники (или кураторы) оппозиции присваивали и активно использовали статус верховного арбитра в споре между официальными властями и протестным движением. Разумеется, итоговый вердикт трактовался не в пользу режимов Шеварднадзе, Кучмы и Акаева — западные столицы объявляли легитимными действия оппозиции, даже если ее представители нарушали закон. Соответственно, действия власти по своей защите в глазах мирового общественного мнения априори оказывались нелегитимными.

Важнейшим элементом внешнего воздействия на развитие общественно-политических процессов, в итоге приведших к цветным революциям, стала и реализация западных программ продвижения демократии в этих странах. Лидерами в этом процессе, как говорилось выше, выступили американские правительственные агентства и неправительственные организации, а также их европейские коллеги. В основном поддержка выражалась в массивном финансировании оппозиции. Агентство США по международному развитию, например, только по официальным данным, потратило на «продвижение демократии» в Грузии 91 млн долл., в Украине — 213 млн долл., в Киргизии — 68 млн долл. Цифры, конечно, не астрономические, но не следует забывать, что материальные затраты минимизировались за счет грамотного и эффективного использования механизмов «мягкой силы».

Западная помощь оказывалась путем поддержки оппозиционных политических партий и молодежных движений; активно спонсировались «независимые»

неправительственные организации, участвующие в политических процессах. Проводились тренинги для активистов протестного движения и консультации кандидатов и их доверенных лиц. Оказывалось давление на иностранных и международных наблюдателей, демонстрировалась моральная поддержка оппозиционным избирательным комиссиям, СМИ, активным группам гражданского общества и т. д. Особую роль в осуществлении цветных революций сыграли международные, западные и местные неправительственные организации. Именно НПО снабжали оппозицию новейшими коммуникационными и логистическими технологиями, позволяя обеспечить организованные и слаженные действия по мобилизации и управлению протестами; они же готовили наблюдателей за ходом голосования. Своей многогранной и активной деятельностью подобные сетевые организации охватывали множество людей по всей стране, причем с наименьшими ресурсными затратами. Эффективно используя новейшие политические и информационные технологии, они позволяли аккумулировать в своих рядах наиболее мобильную и действенную часть населения — молодежь и студенчество, а также преодолевать раздробленность политической оппозиции.

Важным институциональным элементом в итоговой победе оппозиции в Грузии, Киргизии и Украине было и присутствие финансируемых из-за рубежа средств массовой информации. С их помощью оппозиции удалось донести до людей вести о фальсификации результатов голосования и развитии массовых протестов. В активный период цветных революций роль СМИ была особенно значительной, так как стали существенным препятствием для правящих элит в их попытке подавить протесты и сохранить власть.

Наконец, существенное влияние на победу «цветных революций» оказал «эффект домино» — примеры уже произошедших трансформаций режимов. Показательной для всех цветных революций на постсоветском пространстве стала «бульдозерная революция» в Сербии в 2000 году, на примере которой оппозиция получила образец успешных действий и веру в свою конечную победу. Украинские оппозиционеры в 2004-м имели близкий пример «революции роз» в Грузии 2003 года, а демонстрационный эффект «оранжевой революции» в Украине был близок во временном плане к протестам в Киргизии 2005-го.

Следует отметить одну характерную для всех трех «революций» тенденцию. Сейчас очевидно, что организаторы и деятели цветных революций в Грузии, Украине и Киргизии не ставили своей целью слом старого коррупционного режима ради построения на его месте новой демократической системы и государства «всеобщего благоденствия». Целью оппозиции была всего лишь смена политической элиты, перераспределение властных рычагов и финансовых потоков в свою пользу. Используя народное недовольство и зарубежные политтехнологии для завоевания власти, «цветные» лидеры, по сути, ничего не дали этому народу, а спустя несколько лет и сами канули в политическое небытие, перед этим запустив механизм саморазрушения собственных государств.

После триумфального шествия цветных революций осенью 2003 — весной 2005 года казалось, что этой участи не миновать и остальным странам, не-

когда входившим в состав СССР. Однако «революционное» цунами разбилось о границы Белоруссии, Армении, ряда других стран. Полным провалом закончились попытки организовать цветную революцию в России в 2011–2012 годах. Причиной этому стали уверенные, решительные и легитимные действия правящих элит, которые сумели выстроить относительно эффективную систему государственного управления, основанную на политической и экономической стабильности. Они обеспечили лояльность силовых структур, наладили диалог с гражданским обществом, молодежными движениями, экспертным сообществом и СМИ, успешно пресекли деятельность иностранных агентов влияния. А в целом консолидировали нацию на основе общих морально-духовных ценностей.

Однако уже в 2010–2011 годах успешный сценарий цветных революций повторился в Северной Африке, где произошла «арабская весна». Ключевым отличием от событий на постсоветском пространстве стало использование технологий не только «мягкой силы», но и «умной силы». Гораздо активнее применялись новейшие информационные технологии, в первую очередь ресурсы социальных сетей. Не случайно эти перевороты часто называют «твиттерными революциями». Присутствовали и элементы «жесткой силы», включающие прямое вооруженное вмешательство во внутренние дела ряда стран со стороны внешних акторов.

В этом плане показательны недавние события на Украине, где второй раз за неполные десять лет была сделана попытка провести ненасильственную цветную революцию. Ученые и эксперты, приступающие сегодня к изучению начавшегося в ноябре 2013 года «евромайдана», все чаще разделяют эти события на две части. На первом этапе, до середины января 2014 года, были использованы опробованные еще в ходе «оранжевой революции» 2004 года методы ненасильственной борьбы из арсенала технологий «мягкой силы», которые, впрочем, в этот раз не привели к успеху оппозиции. Когда же эти усилия не дали результата, в ход пошли уже механизмы из области «умной силы», в том числе с применением насильственных методов, вылившиеся в многочисленные жертвы среди сотрудников правоохранительных органов и протестующих. В итоге изначально мирный протест, цинично названный победившими националистами и радикалами «революцией достоинства», в феврале 2014 года обернулся кровавым государственным переворотом. Он привел к фактическому распаду государства и переходу суверенной страны к режиму внешнего управления, погрузил Украину в состояние социального, политического и экономического хаоса, способствовал началу ожесточенной гражданской войны у западных рубежей Российской Федерации.

В этих условиях российскому руководству и политическому классу важно сосредоточиться на проведении последовательной, морально оправданной и легитимной в глазах общества внутренней и внешней политики. Надо продолжать активную работу с гражданским обществом, молодежными структурами, НПО, СМИ, экспертным и научным сообществом. Поддерживать высокую боеготовность и достойный социальный статус военнослужащих, полиции, специальных служб, бескомпромиссно бороться с любыми проявлениями

экстремизма. Двигаться по пути модернизации экономической системы, способствовать развитию передовых информационных технологий. Необходимо также культивировать и популяризировать традиционные духовно-нравственные ценности народов Российской Федерации.

IV. СЕВЕРНАЯ АФРИКА И БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

В недавней волне революционных событий, прокатившейся по Ближнему Востоку и Северной Африке и успешно демонтировавшей целый набор политических режимов, казавшихся ранее абсолютно стабильными и незыблемыми, обращает на себя внимание ряд особенностей.

Во-первых, все они развивались (а в случае с Сирией — продолжают развиваться) по одному и тому же сценарию, или «революционному» шаблону, очень похожему на сценарии цветных революций. В частности, технологии организации и работы с молодежным протестным движением, включая революционный брендинг, в революциях «арабской весны» полностью копируют аналогичные технологии цветных революций в СНГ и других регионах политической карты мира.

Во-вторых, «революции» в различных государствах Северной Африки и Ближнего Востока вспыхнули практически одновременно, что практически всегда исключает любой элемент случайности и предполагает высокий уровень координации (по времени) из зарубежного «революционного центра» либо факт проведения тщательно спланированной внешними силами специальной операции.

В-третьих, причиной «пожара», погрузившего в политический хаос самую стабильную и «европейскую» страну — Тунис, стал совсем незначительный повод: самосожжение местного жителя. Тем не менее это сразу послужило сигналом для начала вооруженного мятежа, в считанные дни охватившего всю страну.

Вместе с тем организация мятежа практически невозможна без тщательной предварительной подготовки, вербовки боевиков и сплочения их в боевые группы, четкой системы координации, материального обеспечения и, самое главное, аккумуляции в зоне будущего конфликта значительных финансовых средств, предназначенных для подпитки «революционной борьбы». Последнее невозможно доставить в зону конфликта мгновенно, и уж тем более если мятеж уже начался. Без внешней финансовой поддержки ни одна из современных «революций» не имеет ни шанса против законной власти.

В-четвертых, «пламя революции» охватило государства Ближнего Востока и Северной Африки по очереди, строго в определенном порядке, что также наводит на мысли: в природе лесной или степной пожар распространяется круговой волной, захватывая все прилегающие территории, если, конечно, его никто специально не направляет в нужную сторону. Здесь же налицо яв-

ная избирательность: Тунис — Египет — Ливия — Сирия — Бахрейн — Йемен и т. д. При этом в стороне остались Алжир, Марокко и другие африканские страны, имеющие сходные социальные проблемы и отличающиеся таким же «консерватизмом» политических режимов.

В-пятых, в «революциях» на Ближнем Востоке и в Северной Африке наблюдается еще один ключевой элемент технологии цветных революций — механизм обратной связи, обязательно присутствующий в любой специальной операции. Суть его такова: первоначальный сценарий «революции» обкатывается на примере одной страны, затем корректируется (с помощью механизма обратной связи) и в виде очередной итерации запускается в отношении следующей по списку страны. Затем процедура коррекции повторяется снова. При этом соблюдение очередности в применении технологий «революций» к избранным странам обязательно: такой прием позволяет вовремя учитывать и исправлять ошибки в исходном сценарии, оперативно адаптировать его под тонкую специфику региона, которая проявляется, как правило, уже в процессе реализации исходного замысла. В этом — гибкость современных технологий цветных революций и одновременно их главный демаскирующий признак.

И наконец, во всех «революциях» в странах Ближнего Востока и Северной Африки настораживает один факт: странное отсутствие обязательного компонента любой революции — революционной идеологии. Настоящие революционеры — идеалисты: в основе их революционной борьбы лежат либо высокие идеалы (свобода, равенство, братство, справедливость), либо идеи национально-освободительных движений. Между тем ничего подобного в арабских «революциях» нет и в помине: есть разношерстное протестное движение, которое быстро превращается в «политическую толпу», основная цель которой — свержение действующей законной власти в лице ее конкретных представителей с одной стороны, и погромы — с другой. При этом «революционная» толпа не выдвигает никакой альтернативной политической программы. Обладая таким ореолом, эти люди могут не иметь ни известного прошлого, ни заслуг перед страной, и вообще вынырнуть из политического хаоса в самый последний момент. Для любых мировых лидеров, интересы которых лежат в данном регионе, этот момент является самым лучшим для приведения к власти своих ставленников.

Отсутствие революционной идеологии выдает в событиях на Ближнем Востоке в Северной Африке почерк, характерный для англосаксов и проводимых ими специальных психологических операций.

Так, технологии цветных революций хорошо известны и обкатаны на примере нескольких десятков стран, в том числе государств Центральной Азии, имеющих преимущественно мусульманское население. Хорошо известна предпринятая недавно британцами и американцами попытка организации «зеленой революции» в Иране. Однако, в отличие от стран, ориентирующихся на западные либеральные ценности и психологию индивидуализма, шаблонная идеология цветных революций не работает в традиционных восточных обществах: на Востоке, где сохранился общинный и родовой уклад жизни, интересы отдельной личности — ничто, а интересы общины — всё.

Человек на Востоке никогда себя не реализует вне общины, к которой принадлежит: если он оторвется от общины, его ждет полное забвение и в конечном счете гражданская гибель. Вместе с тем община дает человеку очень многое, в первую очередь поддержку и защиту, нередко даже в большей степени, чем это может обеспечить его западному коллеге либеральное государство. В этом плане свобода на Востоке понимается совсем не так, как на Западе: это не личная свобода от каких-либо запретов и ограничений, а свобода пользоваться возможностями и ресурсами общины для того, чтобы принести своей общине и в конечном итоге себе лично еще большее процветание. В этом плане идеология цветных революций несет прямую угрозу свободе личности, живущей в традиционном восточном обществе, ее родным, близким, семье. Одним словом, западный лозунг «свобода» не находит отклика на Востоке.

Таким образом, для любых западных политтехнологов, намерившихся сделать арабские страны площадкой для обкатки своих новых «революционных» технологий, задача выбора революционной идеологии, подходящей к текущей ситуации в регионе, становится неразрешимой проблемой. В этом случае специалисты специальных операций опускают вопрос идеологии вообще, заменив его набором внешних пиар-клише и положившись на быстрое формирование из массы недовольных «политической толпы», для которой идеология не нужна вовсе, а необходимо лишь указать цель и направление главного таранного удара. Между тем у настоящих революций, являющихся истинным проявлением воли народа, идеология есть всегда.

Все эти признаки указывают на некую искусственность в наблюдаемых сегодня «революциях» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, оставляя полагать, что здесь не обошлось без внешнего «дирижера».

Важной особенностью революций «арабской весны» стало применение новейших сетевых технологий, связанных с новыми возможностями использования социальных сетей и блогов, таких как Twitter и Facebook, что тоже в определенной мере выдает в арабских революциях «западный почерк». Однако, некоторые известные политологи, такие как А. М. Васильев, директор Института Африки РАН, отрицают внешний сценарий у революций «арабской весны», ища причины событий среди факторов экономического или демографического характера. Васильев ставит во главу угла демографический пик, в результате которого сегодня в арабских государствах большинство населения составляет молодежь в возрасте от 18 до 33 лет, которая легко и охотно объединяется в любые протестные движения, в том числе направленные против действующей власти. В этом, по его мнению, и состоит революционная ситуация, а вовсе не в состоянии экономики и качестве жизни, которые при пристальном рассмотрении вовсе не представляются катастрофическими для норм жизни данного региона. Тем самым он в известной мере подвергает сомнению причины арабских революций, связанные с социальным неравенством, нищетой и «усталостью» населения от несменяемых политических режимов.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что условия, при которых США вмешались в военный конфликт в Ливии, оказались весьма удачными для со-

здания вокруг Вашингтона ореола спасителя европейской коалиции, стоящей в тот момент на пороге военной катастрофы. Как показали первые четыре месяца войны, ни французы, ни англичане не оказались на деле способны сломить сопротивление войск Каддафи. В тот момент, когда для франко-британской коалиции дела приняли весьма неудачный оборот, Вашингтон пришел на помощь своим союзникам, не бросив их в беде и включившись своими силами в военные действия, которых, согласно официальной легенде, Белый дом всеми силами стремился избежать. Впервые после высадки в Нормандии в 1944 году Вашингтон выступил в роли спасителя Европы — в лице их экспедиционных сил на ливийском театре военных действий. Одновременно предпринял убедительную попытку доказать всему миру, что это не он развязал войну против Ливийской Джамахирии, а его насильно втянули в конфликт неудачные действия союзников по блоку НАТО, помимо собственной воли и в силу неудачно сложившихся (для европейских союзников США) обстоятельств. То есть США появились в Ливии не по своей инициативе, а потому что их настойчиво «попросили». Теперь на Америку стали смотреть с надеждой, что именно она внесет решающий вклад, благодаря которому ситуация переломится. В этих условиях, когда общественное мнение «созрело», для США настало время сыграть «ключевую роль». Подтверждением существования таких намерений стали комментарии в американских СМИ: «нагрузка на британские и французские вооруженные силы растет... у президента нет веских оснований отказывать в просьбе союзникам, кроме стремления провести идеологическую линию о том, что Соединенные Штаты не обязаны возглавлять каждую военную интервенцию НАТО. Эта линия была проведена. Теперь настало время сделать то, что возможно, чтобы приблизить окончание ливийской войны»³.

В этой комбинации, искусно разыгранной Вашингтоном, налицо явное манипулирование двумя не совсем адекватными политическими фигурами — Н. Саркози и Д. Кэмероном. Их сначала подтолкнули к тому, чтобы развязать военную интервенцию против Ливийской Джамахирии (воздействуя на их непомерные амбиции и тщеславие), подождали, пока европейские силы увязнут в войне и начнут получать чувствительные удары от правительственных сил, а затем пришли спасать то, что от франко-британских сил еще осталось. Ливийскую карту разыграли не по французскому сценарию, а по американскому, хотя у Саркози на начальном этапе военной операции такой сценарий определенно был. Французами и британцами попросту воспользовались «втемную», искусно манипулируя их весьма внушаемыми и увлекающимися лидерами.

Технологии «финиковых» и «фисташковых революций» имеют несомненное сходство с «цветными революциями», где используется все тот же арсенал психологических и организационных приемов, шаблонов и схем. Но при этом смещается ударение на методы, способные расколоть сплоченность традиционных восточных обществ на мелкие фрагменты, с тем чтобы

³ *New York Times*. May 10, 2011.

вырвать отдельных личностей из состава родовых и племенных кланов. Это дезориентирует их в политической обстановке с помощью технологий управления массовым сознанием, создает из дезориентированных граждан главный таранный инструмент любой «цветной революции» — «политическую толпу». Методы и технологии, позволяющие расколоть сплоченные традиционные общества на отдельные фрагменты, погружая общество в состояние распада и политический хаос, подчиняющийся своим законам, носят название технологий «управляемого хаоса». След применения именно этих технологий в Северной Африке и на Ближнем Востоке усматривают сегодня многие эксперты и обозреватели.

Одним из авторов популярной на Западе «теории управляемого хаоса» является американский стратег, дипломат и политолог Стивен Манн. Суть выдвигаемой им концепции следующая.

Цель любой специальной психологической операции — обеспечить добровольную подчиняемость представляющего интерес человека, с тем чтобы впоследствии свободно и без каких-либо ограничений использовать его в своих целях — в качестве неодушевленного инструмента, ресурса, расходного материала. Этот результат сравнительно несложно обеспечить в западных либеральных обществах, где каждый гражданин — индивидуалист, в жизни преследует исключительно личные цели и, хотя и пользуется в некоторой мере поддержкой и защитой государства, в основном борется и выживает в одиночку. Такого индивидуума несложно психологически сломить и «перепрограммировать» под любой шаблон политического поведения, включая так называемый «демократический», поскольку ни одна даже самая сильная личность не в состоянии выстоять перед напором системы и применяемыми ей технологиями психологического убеждения и принуждения. Вот почему в Западном обществе так популярны и эффективны многочисленные техники скрытого манипулирования, «промывки мозгов», НЛП, рефлексивного управления, а секты сравнительно просто вербуют и обрабатывают адептов. Ведь для того, чтобы заполучить себе адепта, необходимо всего лишь взломать его личные защитные барьеры, которые обеспечила ему природа при рождении для защиты психики от внешних негативных воздействий, и заменить его систему ценностей своей.

В традиционных обществах с коллективной субъектностью все иначе. Там отдельная личность, глубоко интегрированная в общество, клан, род или племя, защищена этим обществом от любого внешнего негативного психологического воздействия, даже самого мощного. В противодействии негативному влиянию или любой формы информационной агрессии любой член этого общества может рассчитывать и опираться на ресурсы всего общества в целом и на помощь любого из его членов, поэтому его не так просто сломить. Для этого необходимо разрушить внешний рубеж обороны — саму традиционную структуру построения общества — и погрузить общество в политический хаос, который лишает любого попавшего в его водоворот человека коллективной поддержки и превращает его в индивидуалиста, озабоченного исключительно вопросами своего собственного выживания. Рецепт погружения общества в хаос прост — это политический переворот

или вооруженный мятеж, сопровождающийся мощной информационно-пропагандистской кампанией по дискредитации традиционных ценностей. Такой процесс приведет к стремительной «атомизации» закрытого традиционного общества с коллективной субъектностью в основе своего устройства, что в итоге «откроет» его, перемешает. В результате разрушения традиционного уклада и девальвации ценностей возникнет идеологический вакуум, который сразу же должен быть заполнен специально разработанной режиссерами «революций» идеологией. Смена ценностей в условиях хаоса произойдет незаметно: любая личность, вырванная из своего традиционного уклада и потерявшая поддержку своего рода или клана, будет хвататься за любую идеологическую концепцию, гарантирующую ей выживание. Происходящая в этом процессе смена системы ценностей в обществе обеспечивает добровольную подчиняемость всех его членов и превращает общество в послушный инструмент реализации внешнеполитических интересов иностранного государства. Хаос становится управляемым.

В соответствии с этой теорией, для обеспечения добровольной подчиняемости стран Ближнего Востока и Северной Африки интересам внешнего государства объединяющие их население кланы и общины должны перемешаться, то есть нынешнее, традиционное социальное устройство, которое на Ближнем Востоке и в Северной Африке существует до сих пор, должно быть разрушено и перемешано. Именно это и происходит сейчас в государствах, ставших жертвами «новой революционной волны».

Сегодня, наблюдая конфликт в Сирии между правящим политическим режимом и действующими от имени основной массы сирийского народа хорошо организованными мятежными группами боевиков, многие задаются вопросом: насколько долго ситуация в Сирии будет развиваться по ливийскому сценарию, погрузив регион в хаос гражданской войны и военной интервенции. Эти опасения не случайны.

Война в Ливии уже показала, насколько быстро в современных условиях отдельные робкие выступления слабых и разрозненных групп недовольных правящим режимом могут перерасти сначала в вооруженные столкновения, а затем и в гражданскую войну, быстро превратившуюся, благодаря прямому военному вмешательству западных государств, в крупный международный конфликт. Между тем сегодня ситуация в мире настолько накалена, что любой международный конфликт может стать поводом для новой мировой войны. Цель любой мировой войны — передел политической карты мира, исторически сложившихся государственных и национальных границ. И не важно, о каких именно границах идет речь, о «морально устаревших» границах бывших европейских колоний или о новых геополитических рубежах и «демаркационных линиях» между «мировыми цивилизациями», очерчивающими их «природное жизненное пространство»: одно с легкостью может перетечь в другое. С другой стороны, именно к такому переделу мира стремятся сегодня Соединенные Штаты, сознательно демонтирующие ялтинско-потсдамскую модель и ведущие риторику о необходимости пересмотра «искусственных и нежизнеспособных» границ бывших европейских колоний

и осколков Османской империи, показавших, по мнению Вашингтона, свою несостоятельность в роли самостоятельных субъектов мировой политики. В этом процессе Ливия и Каддафи — всего лишь повод для нового передела мира, а военная интервенция — окончательный аргумент для тех, чье мнение игнорируется, в том числе для коренного населения бывших колониальных стран. Понимая, что тем самым Соединенные Штаты ставят мир на грань глобального вооруженного конфликта и сознательно раскачивают систему международной безопасности, Вашингтон все-таки надеется новой мировой войны избежать.

Можно указать на общие черты между политическими режимами Ливии и Сирии и на схожесть их политического курса. И Дамаск, и Триполи открыто демонстрировали свою оппозицию Израилю и Вашингтону. Сирия к тому же поддерживает ливанскую «Хизбаллу» и палестинский ХАМАС, является фактически единственным в регионе союзником Ирана. Это позволяет утверждать, что повторение в Сирии ливийского сценария весьма вероятно. Башар Асад молод, энергичен и может рассчитывать на поддержку как алавитов, так и значительной части христианского населения. Он не откажется от власти добровольно, так же как и Каддафи. В его распоряжении одна из самых боеспособных армий в регионе и мощный аппарат госбезопасности: режиму есть чем ответить на любую внешнюю агрессию. Сирийская оппозиция разрознена, а гражданское общество не так активно, как в других странах Ближнего Востока или Северной Африки.

Волна «цветных революций», сметая тесно связанные с Вашингтоном режимы Туниса и Египта, явно забуксовала в Сирии: так всегда происходит с цветными революциями, если лидеры страны способны проявить твердость и жесткость в сложившейся ситуации. Так было во время цветной революции в Узбекистане, когда действующая власть объявила выступление боевых групп «оппозиционеров» в Андижане вооруженным мятежом и жестоко подавила его с помощью верных режиму воинских частей. И в том и в другом случае момент упущен: залп цветными революциями уже состоялся, но мгновенного результата (в отличие от других стран) он не дал. В этом случае авторы цветных революций всегда уходят в тень и маскируют свое участие в политических событиях. Ведь с каждым днем промедления значительно возрастает риск раскрытия любой проводимой ими операции. Они уступают место силам, предназначенным для прямой вооруженной агрессии, которые вводятся в регион для вооруженной поддержки боевых групп мятежников под прикрытием легенды о силовом умиротворении или гуманитарной интервенции. Вот почему развитие ситуации в Сирии по ливийскому сценарию представляется не только весьма вероятным, но и неизбежным. При условии, конечно, что Вашингтон не готов отказаться от некоторых своих планов по «переформатированию» Ближнего Востока, касающихся этого государства.

Между тем падение сирийского режима имело бы огромные последствия. Профессор Женевского Института высших международных исследований Мухаммед-Реза Джалили утверждает, что, наряду с Египтом Сирия является одним из двух полюсов арабского Востока, и с падением режима Асада вся

система альянсов в Леванте рухнет, а Иран лишится своего единственного союзника. Это совпадает с одной из основных целей США. Они рассчитывают из управляемого хаоса, в который с помощью технологий «финиковых революций» погрузились Ближний Восток и Северная Африка, сформировать новую конфигурацию международных отношений. Она должна максимально отвечать их собственным интересам, и в этой конфигурации, возможно, уже не будет места для Ирана, Китая, а влияние России будет жестко ограничено.

На это прямо указывает заявление сенатора Д. Маккейна, сделанное им 24 августа 2011 года. Известный своими жесткими высказываниями, сенатор от штата Аризона Джон Маккейн выразил удовлетворение взятием повстанцами Триполи и концом режима Каддафи.

Говоря о последствиях падения режима Каддафи, Д. Маккейн выразил мнение, что смена власти в Ливии даст сигнал и другим странам, «стремящимся к демократическим преобразованиям»: «это будет своеобразным посланием и для Башара Асада, и для Йемена, и для других диктаторов. Эхо «арабской весны» услышат во всем мире — от России и Китая до Израиля. С тех пор как молодой человек сжег себя на улице, положив начало волнениям в Тунисе, мы видим стремительно меняющийся мир», — заявил Маккейн. Таким образом, Маккейн не исключает, что следующей целью волны «финиковых революций» будут Китай и Россия.

В целом ситуация в Сирии сегодня развивается в полном соответствии со сценарием, отработанным в Ливии. В развитии сирийской и ливийской «революций» есть все признаки схожести.

– Организация протестного движения внутри страны, которое напоминает массовую кампанию вербовки наемников.

– Выдвижение на роль новых лидеров государства малоизвестных деятелей из числа эмигрантов (таких как кабинетный ученый Гальюн, постоянно проживающий в Париже), единственная ценность которых — полная управляемость и преданность своим западным кураторам.

– Создание всевозможных «теневых кабинетов министров» и псевдонародных «фронтов», таких как «Патриотическая коалиция в поддержку демократических перемен», «Национальный Совет Сирии», позиционирующий себя как истинные представители народа и руководящие органы многочисленной внутренней оппозиции, недовольной режимом Асада.

Все это известные элементы технологии организации цветных революций, отработанные в конфликтах в Югославии, Грузии, Украине, странах Центральной Азии, которые сегодня адаптированы для применения в традиционных восточных обществах, принадлежащих в основном исламскому миру: в арабских государствах Ближнего Востока и Северной Африки, в Иране. Цветная революция в Сирии в целом развивается по ливийскому сценарию. Но стоит отметить, что и сама ливийская «революция» стала повторением и дальнейшим развитием технологических схем организации государственных переворотов, отработанных несколько ранее в Тунисе и Египте. В революциях «арабской весны» явно прослеживается итерационная схема, в которой один и тот же шаблон последовательно применяется по

отношению к различным арабским странам, каждый раз после завершения операции подвергая ее схему реализации технологической коррекции. В отличие от ливийской «революции», ситуация в Сирии развивается несколько менее динамично, но на это есть объективные причины. Ее относительная вялость вызвана прежде всего тем, что западные политтехнологи перед началом применения технологий «управляемого хаоса», так хорошо показавших себя в Тунисе, Египте и Ливии, не успели заручиться поддержкой или нейтралитетом армии. Для этого надо было хотя бы немного продвинуться в ее разложении. Не успели в достаточном количестве наберечь «оппозиционеров» для участия в массовых акциях протеста и боевиков для наступательных и диверсионных действий. Видимо, развитие революции тормозят причины чисто технического характера: необходимость тайно (от сирийского руководства и надзора мирового сообщества) перебросить в распоряжение оппозиционных сил внутри страны необходимые финансовые средства и оружие. Сирийское руководство не испытывает никаких иллюзий в отношении внешней подоплеки событий, происходящих в стране.

Сегодня уже очень многие исследователи говорят о революциях «арабской весны», внезапно в конце 2010 года охвативших всю Северную Африку и практически весь Ближний Восток. В результате этого взрыва довольно стабильный и внешне мало изменчивый арабский мир рухнул и погрузился в пучину хаоса, мятежей и гражданских войн. Эффект от революций на Ближнем Востоке оказался настолько сильным и шокирующим, что многие исследователи и очевидцы стали искать в установившемся в регионе хаосе войны всех против всех (суннитов против шиитов, исламистов против светской власти, террористов против сил антитеррора и т. д.) следы внешнего управления и весьма успешно их находят. Да, в общем-то, сценаристы этих революций особо и не скрываются, видимо, рассчитывая получить «Оскара» за Ливию, Сирию или Египет. Другие стремятся идеализировать ситуацию, одновременно ее упрощая: списывая все происходящее на причины, которые давно уже назрели в арабском обществе и только ждали момента, когда их прорвет. Этот наивный взгляд популярен, поскольку позволяет, наконец, вздохнуть с облегчением, найдя простые ответы сразу на все вопросы: не нужно задаваться неудобными вопросами, все произошло само собой. Однако и у этой категории экспертов не все клеится. Ведь просуществовал же в Ливии более 40 лет режим «диктатора и кровавого палача» Каддафи, с которым ничего не могли поделать несколько последовательно сменившихся на своем посту президентов США, с их армией, спецслужбами и отдельным корпусом морской пехоты, который сам напоминает современную армию вторжения, только в миниатюре. Ведь трудно же принять версию о том, что этот режим рухнул всего лишь за неполный 2011 год только потому, что окончательно «сгнил изнутри».

Мы живем в непростое время: мир стремительно меняется непосредственно на наших глазах. Темпы и скорость этих изменений непрерывно растут: всего один год потребовался западным политтехнологам для того, чтобы превратить спокойную и процветающую Северную Африку и большую часть

Ближнего Востока в очаг жесточайшей гражданской войны, международного терроризма и радикального исламизма. Теперь такая же участь ждет Сирию, а вместе с ней и весь Ближний Восток, включая главного непримиримого оппонента США — Иран.

Сегодня отчетливо видно, как в результате осуществляемого Соединенными Штатами сознательного демонтажа ялтинско-потсдамской системы мироустройства рушится вся система международной безопасности, мир стремительно погружается в хаос больших и малых войн, этнополитических и религиозных конфликтов. Деятельность США, их партнеров (НАТО, Саудовская Аравия, Катар) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный уровень. При этом в большинстве стран, во внутренние дела которых США вмешиваются в роли «миротворца», они делают ставку и сотрудничают с теми самыми политическими силами и режимами, которые во всем мире принято называть «террористическими» и «экстремистскими». Так, в Афганистане США активно сотрудничают с талибами (на уровне самых настоящих партнерских отношений), а в гражданской войне в Ливии решающую роль в уничтожении армейских частей, верных Каддафи, сыграли боевые отряды «Аль-Каиды», стоявшие на острие удара, нанесенного совместно силами НАТО и мятежников. И сейчас среди полевых командиров так называемой объединенной сирийской оппозиции не менее половины — руководители боевых ячеек «Аль-Каиды», вышедшие из подполья, в которое их загнал президент Башар аль-Асад.

По всем основным и квалифицирующим признакам так называемые революции «арабской весны» — это типичные цветные революции, адаптированные под условия традиционного исламского общества.

В целом в ситуации на Ближнем Востоке в контексте революций «арабской весны» сирийский вопрос продолжает оставаться неясным. С одной стороны, гражданская война в Сирии начинала развиваться как типичная цветная революция, по сценарию, сходному с ливийским. С другой стороны, с Сирией все должно было закончиться еще до первых чисел мая 2012 года. В этом в самом начале 2012 года были уверены абсолютно все: и друзья, и непримиримые противники режима Башара Асада. Американцы, авторы классических цветных революций, только что успешно обкатавшие свой «демократический шаблон» на примере Ливии, настолько в этом не сомневались, что даже начали разворачивать аналогичный сценарий в России, в которой эти волнения, местами закончившиеся незначительными беспорядками, получили название «революции белых ленточек». Тем было удивительнее, когда из Сирии очередной сенсации не вышло: режим Асада неожиданно проявил стойкость и решимость бороться за власть до конца, не считаясь с потерями среди своих соратников и мирного населения. И волна очередной революции забуксовала в считанных километрах от президентского дворца, получив несколько весьма ощутимых уроков как в самой столице, так и в боях в жилых кварталах Алеппо и Хомса. В результате сирийский мятеж,

вовремя не поддержанный иностранной интервенцией (как это было в Ливии), превратился в затяжную позиционную гражданскую войну, в которой самые тяжелые потери несет мирное население. Дошло дело даже до того, что «освободившиеся» после гибели Каддафи ливийские боевики перетекли в основном не в Сирию, где полным ходом идет дело освобождения народа от власти очередного наследственного диктатора, а в Мали, где они, сговорившись с туарегами, организовали исламистский переворот. Вот и стоит задуматься, за что воевали эти «революционеры» — за светлые идеалы англосаксонской демократии, универсальные общечеловеческие ценности или прибыль, которую можно получить, установив власть над страной, обладающей богатейшими залежами урана. Мали, правда, географически расположена ближе, чем Сирия (в случае чего можно и пешком дойти), но это не помешало американцам в начале первого наступления Сирийской свободной армии на Дамаск перебросить в район боев около 700 оставшихся не у дел ливийских боевиков. Так что было бы желание, а способ всегда найдется.

В гражданской войне на стороне Асада воюют только алавитские части и специальные службы, остальная армия выжидает и фактически бездействует. А причину столь упорного сопротивления режима Асада численно превосходящим силам мятежников многие эксперты видят в наглядном примере, преподнесенном Каддафи. Его гибель в очередной раз показала, что американцы и их союзники не планируют оставлять в живых свидетелей своей тайной политики на Арабском Востоке. Как бы ни сложилась ситуация в Сирии, живым Асада из страны не выпустят, и он это вполне отчетливо понимает. Асад, хотя и является представителем сугубо мирной профессии — по образованию он врач-офтальмолог, но впечатление наивного человека ни в коей мере не производит. Особенно если учитывать тот факт, что точно такая же угроза исходит из его алавитского окружения, настроенного сражаться до конца, среди которых Асад выглядит удерживаемым заложником. С этими доводами, конечно, трудно не согласиться, но вместе с тем стоит отметить, что на этом причины сопротивления правящего режима Сирии не исчерпываются, потому что Сирия — не Ливия, а Асад — не Каддафи.

Сходство между войной в Ливии и Сирии наблюдается только в качественном составе мятежных формирований, противостоящих правительственным силам: в большинстве своем это все те же исламисты-моджахеды (как правило, граждане других государств), разбавленные профессиональными наемниками (не имеющими убеждений) и дезертирами из правительственной армии и полиции. На этом сходства заканчиваются, потому что противостоят сирийским мятежникам силы, качественно отличающиеся от тех, с кем Каддафи начал войну.

Если за Каддафи воевали в основном люди его племени — из родного для него города Сирта, население которого в буквальном смысле разделило участь вождя, то за Асада воюют алавиты. Это приверженцы одного из шиитских направлений в исламе, для которых победа оппозиции, состоящей в большинстве своем из суннитов, означает поголовное физическое истребление, то есть геноцид. Именно так сирийские повстанцы и поступали с мирным

населением, если им удавалось захватить алавитское селение или деревню. Заодно по маршруту движения Свободной армии Сирии вырезались и остальные конфессии — в основном христиане. Последний христианин в г. Хомс, перешедшем под контроль мятежников в конце 2012 года, был убит тогда же, 1 ноября 2012 года.

В отличие от алавитского ядра сирийской армии, которая считается одной из самых боеспособных в регионе, армия Каддафи состояла в основном из наемников. Которые и отошли в сторону, как только в конфликт вмешались США, тем самым спасшие своих союзников по НАТО — Францию и Великобританию — от весьма вероятного военного поражения. На комплексах ПВО у Каддафи сидели в основном пакистанцы, которых трудно заподозрить в наличии излишнего патриотизма в отношении чужой для них страны и упорного желания воевать за маленький (всего около 2 млн) ливийский народ.

Боевые действия мятежников из Свободной армии Сирии и воюющих на их стороне боевых подразделений «Аль-Каиды», «Талибана», Движения исламского возрождения Узбекистана и других до сих пор не поддержаны прямой иностранной интервенцией. Хотя попытки ее начать, инсценировав формальный повод, все-таки делались. Одной из таких попыток следует считать обстрел неустановленными лицами, находящимися на сирийской территории, турецких пограничников, повлекший жертвы среди мирного населения. Второй попыткой начать маскированное вторжение Западной коалиции можно считать «малую войну» между Палестиной (находящейся под фактическим контролем ХАМАС) и Израилем, обвинившим Иран и Сирию в поставке боевикам ХАМАС ракетного вооружения. Третьей попыткой найти формальный повод для начала внешней агрессии против Сирии можно считать перепевы по поводу наличия у «преступного» режима Асада оружия массового поражения. На этот раз, в отличие от Ирака, не ядерного, а всего лишь химического. А также спекуляции по поводу решимости Асада это оружие применить, в случае если США и НАТО решатся на прямое участие в конфликте.

В первом случае сценарий оказался предельно прост: в обстреле турецкой территории обвинили сирийскую правительственную армию, в связи с чем Турция заявила, что намерена решительно пресекать любые попытки нападения на ее граждан, но при этом опасается пасть жертвой прямой военной агрессии со стороны асадовского режима. В тот же день США выступили с заявлением, смысл которого сводился к тому, что США не бросят своего союзника по НАТО в беде и готовы немедленно прийти к нему на помощь, невзирая на международные конвенции и резолюции СБ ООН. Нетрудно заметить, что этот сценарий полностью скопирован с более раннего — ливийского. Там США якобы были вынуждены оказать военную помощь своим союзникам по НАТО, терпящим военное поражение от «диких бедуинов», незнакомых с цивилизованными традициями ведения войны. Вероятно, именно благодаря столь явно выраженной схожести этот сценарий так и не получил своего дальнейшего развития.

Трудно не отметить, что обстрел турецкой территории неизвестными лицами, находившимися на территории Сирии, — весьма удобный повод для

начала военного вторжения ударной группировки НАТО и прямого вмешательства западных государств в гражданскую войну.

Турецкая сторона приписывает нападение на своих граждан, повлекшее жертвы среди мирного населения, сирийским правительственным войскам, верным Асаду. Между тем следует отметить, что сирийско-турецкая граница на момент инцидента уже не контролировалась правительственными войсками — еще за два месяца до того она полностью перешла под контроль мятежников из Свободной армии Сирии, о чем они сами неоднократно заявляли. Так что кто именно там открыл огонь по турецкой территории — вопрос, в целом неясный. По почерку этот инцидент скорее дело рук сирийской оппозиции, которой жизненно необходимо вмешательство в конфликт вооруженных сил североатлантического альянса: в одиночку они с Асадом не справятся. Нет сомнений в том, что ради такой поддержки они готовы пойти на любые провокации.

Кроме того, напрашивается очевидная аналогия с инцидентом, с которого началась Вторая мировая война — с расстрела немецких граждан немецкими диверсантами, переодетыми в польскую военную форму. В случае с Сирией неизвестными лицами, обстрелявшими турецкую территорию, взят все тот же шаблон, как будто его скопировали со школьного учебника. История, к сожалению, имеет обыкновение повторяться.

Во втором случае в большой политической игре, ведущейся вокруг Сирии, была разыграна карта ближневосточного конфликта между Израилем и Палестиной. 15 ноября 2012 года на Ближнем Востоке вспыхнул конфликт, имевший все шансы переродиться в новую большую войну: боевики радикального палестинского движения ХАМАС выпустили по Израилю около 400 ракет класса «земля — земля». Треть из них были перехвачены израильской ПРО, остальные попадали на головы израильтян, включая жителей их столицы. В ответ израильтяне уничтожили некоторое количество палестинцев, в основном, случайно оказавшихся в окрестностях арабо-израильской границы (СМИ говорили о 19 погибших), и объявили тотальную мобилизацию.

Пока политики гадали о причинах внезапной атаки в целом сравнительно неагрессивных (в последнее время) палестинцев на своих соседей-израильтян, сценарий новой большой войны стал приобретать вполне реальные очертания. Мало кто сомневался, что Израиль обязательно ответит на атаки арабов наземной операцией в секторе Газа, перестреляет там массу случайных людей и тем самым вызовет небывалый подъем всего арабского мира.

Эти опасения имели под собой вполне реальные основания. Египет практически сразу же выразил свою крайнюю степень недовольства военными приготовлениями Израиля. И по тону заявлений тогдашнего его президента, лидера египетской ячейки радикальной исламистской организации «Братья-мусульмане» М. Мурси, был готов вмешаться в конфликт в любой момент. Тем более что Мурси в борьбе за власть незадолго перед этими событиями весьма изобретательно «зачистил» верхушку египетской армии, которая остается в Египте единственной реальной силой, способной влиять на политическую жизнь страны.

Интересно, что на тот момент сложившаяся вокруг палестино-израильского

конфликта ситуация вполне устраивала и режим Б. Асада, и режим «исламских мулл» в Иране. Более того, не исключено, что атака ХАМАС была спланирована именно Дамаском или Тегераном и управлялась из одного из указанных центров. Впрочем, это давний испытанный способ конфликтной мобилизации в арабском мире: в борьбе против иноверцев арабы быстро забывают прежние обиды. Таким образом, если Израиль ответил на вызов ХАМАС, западная коалиция во главе с США, забуксовавшая со своей «арабской весной» в Сирии, получила бы в качестве военного противника консолидированный фронт исламских государств. Дальнейшее развитие ситуации стало полностью зависеть от того, насколько глубоко Израиль заглочит брошенную ему наживку.

Как теперь уже известно, Израиль наживку не заглочил, и его фактическое отступление на военном и политическом фронте ХАМАС воспринял как первую свою безусловную военную победу. Однако кто именно остановил израильскую военную машину — руководство страны или их американские партнеры — до сих пор остается неясным. Возможно, Вашингтон свернул этот сценарий, понимая, что игра становится слишком сложной и многовариантной, а сама разыгрываемая комбинация обладает рядом слабых моментов, способных сыграть на руку Сирии и Ирану.

В третьем случае сценарий оказался далеко не нов: в его основу был положен порядком уже избитый шаблонный миф об угрозе со стороны авторитарных ближневосточных режимов, якобы обладающих оружием массового поражения. Именно угроза применения ОМП режимом Саддама Хусейна (реальная или гипотетическая — сейчас уже трудно судить, ведь, как известно, наличие у Саддама ОМП не подтвердилось) стала основной причиной, оправдывающей вторжение США в Ирак в 2003 году.

В августе 2012 года Барак Обама наконец-то признался, чего он боится больше всего: химического и биологического оружия президента Асада. «Мы начнем вторжение, — заявил Б. Обама — как только сирийцы применяют химическое оружие». Или куда-то его вывезут: «Если мы увидим, что химическое оружие куда-то вывозится или используется, мы будем рассматривать это как переход за красную черту. И это заставит меня действовать уже по-другому», — пригрозил Б. Обама. Но и в этом случае американцы собираются выждать, пока асадисты (сторонники Б. Асада) не истратят весь свой боезапас на «борцах за свободу». Тем из борцов, кто при этом выживет, будет дано почетное право идти впереди американских танков, первыми расчищая путь к свободе.

Российские представители заявили, что никакой химии Россия в Сирию никогда не поставляла. Запад заметно огорчился такому повороту дела. Как бороться с химией русских, в принципе понятно, она для натовских военных почти как родная, а вот что там у Асада припрятано на самом деле — доподлинно неизвестно. Еще вытащат эти сирийцы из «закромов родины» какой-нибудь гриб — и половины «Аль-Каиды» нет...

Сирия входит в число стран, не присоединившихся к конвенции о запрещении химического оружия 1997 года. Но она его и не разрешает, не рекламирует, а бережно хранит на складах.

Близость президентских выборов в 2012 году побуждала Б. Обаму бояться

сирийской химии все сильнее. Лучшего момента для нагнетания всеобщей истерии было не найти, американская нация в этот период чувствительна как никогда к любым проявлениям коллективных страхов и фобий. Правительство Асада также это понимало и даже официально заявило о том, что трагедия сирийского народа предусмотрена сценарием избирательной кампании действующего президента США. Тот этого даже не стал отрицать, переключив внимание мирового сообщества на своих статистов, которых теперь стало модно держать в большой политике — Кондолизу Райс и Викторию Нуланд.

Незадолго перед этим Нуланд стала новым официальным представителем Государственного департамента США. 21 августа 2012 года она выступила с заявлением, что Соединенные Штаты намерены и дальше действовать в Сирии в обход Совета Безопасности ООН, поскольку американцы сомневаются в способности некоторых членов Совета Безопасности ООН урегулировать разногласия и достичь единства мнений. «Мы будем осуществлять в Сирии настоящие политические изменения вместе с теми странами, которые хотят в этом участвовать, — публично заявила В. Нуланд, — и, если потребуется, вне рамок Объединенных Наций».

Это уже не первый случай, когда простая американская девушка публично отчитывает старейшую международную организацию. В ответ на это заявление глава российского МИД С. Лавров заявил, что отодвигать ООН в сторону — как минимум преждевременно: Москва и Пекин считают недопустимыми нарушения норм международного права в ситуации с Сирией. В этом мнении к министру иностранных дел России присоединился член Госсовета Китая Дай Бинго, курирующий вопросы внешней политики КНР и случайно, проездом, оказавшийся 27 августа 2008 года в Москве. По словам главы российского МИД, в своих действиях обе страны руководствуются «очень надежными критериями. Эти критерии заключаются в необходимости строго соблюдать нормы международного права, принципы, которые заложены в Уставе ООН, и не допускать их нарушения».

Что же может предпринять Башар Асад в сложившейся ситуации? На этот вопрос напрашивается несколько вполне очевидных ответов.

Во-первых, в интересах Асада сейчас уничтожить все боевые отряды оппозиции, пока еще они не получили поддержки в виде экспедиционных сил НАТО и государств Персидского залива. Мятежников сейчас сравнительно немного. Они еще не вооружены тяжелым оружием (артиллерией, танками, комплексами ПВО и т. д.), за исключением боевых трофеев. В своем наступлении они полагаются не столько на собственную ударную силу, сколько на безграничные возможности по подкупу сирийских командиров, преграждающих им дорогу (так, как это было сначала в Ираке, а затем в Ливии).

Западу и НАТО повстанцы необходимы не как организованная боевая сила, а как некое политическое движение, которое можно выдать за представляющее интересы большинства сирийских граждан, угнетенных режимом Асада. Кто там будет считать, сколько их на самом деле, этих «представителей сирийского народа», поддерживающих мятежников. Затем можно избрать из их числа «правительство национального освобождения», признать его официально как единственное

легитимное правительство Сирии и затем получить от лица этого суррогатного правительства официальное приглашение вмешаться в конфликт. Сходная схема была разыграна американцами на Кубе, в Заливе Свиней. Там, правда, бойцы Фиделя так быстро перебили всех высадившихся эмигрантов, что те даже не успели сформировать свое правительство, не говоря уже об установлении дипломатических отношений с Соединенными Штатами. У Асада сегодня повторяется та же ситуация: пока в руках мятежников остается хоть пядь сирийской земли, для Асада сохраняется угроза прямой иностранной интервенции.

Во-вторых, Асаду неплохо бы прояснить вопрос относительно того, кто же все-таки воюет на стороне мятежников и каков процент в их рядах собственно сирийских граждан. Есть подозрения, что этот процент невелик: известно, что примерно половина всех полевых командиров так называемой оппозиции — руководители секций «Аль-Каиды», в отрядах полно исламистов из Египта, Ливии, других государств Африки и Ближнего Востока. Более того, наемников повсюду вербуют американские инструкторы в других горячих точках планеты, например, в зоне суданского конфликта. Складывается ситуация, схожая с первой и второй войнами в Чечне, когда на стороне чеченских сепаратистов воевали моджахеды со всего арабского востока, включая страны Персидского залива. Встречались даже негры. Прояснение вопроса о том, кто же воюет на стороне сирийской оппозиции, может показать реальную картину событий и указать на истинных игроков, которые сегодня на острие американской внешней экспансии несут миру новый исламский порядок.

В-третьих, у Асада явно хромает пропаганда. В рядах мятежников на него наступает «Аль-Каида», еще совсем недавно олицетворявшая мировое зло. На его месте давно пора бы объявить борьбу с мятежниками «контртеррористической операцией», показать тела убитых боевиков «Аль-Каиды», выразить солидарность с США в борьбе с международным терроризмом и тем самым окончательно сбить с толку НАТОвских стратегов. Именно этот сценарий в свое время был так удачно разыгран российскими политиками в Чечне, где Запад тоже пытался представить чеченских бандитов «борцами за национальное освобождение от кровавого кремлевского режима». Однако не вышло. Возможно, что не выйдет и в Сирии.

Интересно, что тема с химическим оружием получила свое новое звучание в марте 2013 года, когда власти Сирии обвинили оппозицию в обстреле позиций правительственных войск снарядами с химическими боезарядами, а официальный Белый дом сначала выступил с отрицанием этого факта — по формуле «мы не верим», а затем пригрозил лично во всем разобраться. «Я крайне скептически отношусь к подобным обвинениям в адрес повстанцев. Если окажется, что химоружие использовали правительственные войска, Башар Асад понесет за это ответственность», — подчеркнул президент США Барак Обама.

Тем самым угроза миру, связанная с утратой контроля сирийским режимом над запасами оружия массового поражения, была вновь актуализирована в сознании международного сообщества. Чем не прелюдия для военного вторжения. Угроза химической войны — весьма удобный и безотказный повод для интервенции, цель которой — спасти мир от нависшей над ним

угрозы химической войны. Разумеется, что ради достижения этой благой цели Сирия будет вынуждена пожертвовать своим суверенитетом, а Асад — личной властью.

Все это указывает на то, что в схемах современных цветных революций идет непрерывное эволюционирование форм и методов сопряжения психологических операций с поддерживающим их силовым ресурсом — вооруженными силами государств-демократизаторов, готовых при наличии удобного и внешне легитимного повода начать интервенцию. При этом англосаксами используется ограниченный набор шаблонных поводов, которые последовательно отрабатываются в конфликтах на Ближнем Востоке. При этом прежние шаблоны, порядком уже надоевшие (такие как угроза применения оружия массового поражения) в условиях революций «арабской весны» могут принимать новое звучание.

Кому нужна ливанизация Сирии? Вряд ли это соответствует экономическим интересам США и Запада в регионе: режим Асада, хотя и имел некоторые противоречия с США и их союзниками в регионе, в целом всегда проявлял по отношению к политике США известную лояльность и никогда не стремился ей открыто противостоять. С политической точки зрения, возможности сотрудничества с Асадом и заручения его поддержкой даже в таком сложном вопросе, как противостояние с Ираном, представлялось как вполне возможное и достижимое. Однако заказчики цветной революции в Сирии решили иначе: необходимо сместить Асада и посадить на его место марионетку, полностью зависящую от своих западных кураторов и являющуюся их политическим продуктом, как это было сделано в Ливии.

Какая причина подтолкнула их сделать именно такой выбор? Ответ на этот вопрос, возможно, может дать характер отношений США с Ираном.

В конце 2011 года из британских источников стало известно, что вооруженные силы и спецслужбы Соединенного Королевства в спешном порядке разрабатывают планы военной операции против Ирана, поскольку в их распоряжении есть информация, что США в любой момент могут нанести по нему удар; в этом случае Великобритания как основной стратегический союзник США в Европе должна поддержать армию США своими вооруженными силами, и будет вынуждена с ходу включиться в конфликт, к которому она не готова. Также стоит отметить недавний громкий скандал в Израиле вокруг утечки секретной информации по подготовке военной операции против Ирана, которую якобы слили в СМИ бывшие руководители израильской внешней разведки «Моссад» и контрразведки «Шин-Бет», пытавшиеся таким образом помешать вовлечению Израиля в полностью безумную военную авантюру. Все это указывает по меньшей мере на наличие у США серьезных намерений в отношении Ирана, и то, что Вашингтон, наконец, созрел для решительного применения вооруженной силы в отношении ненавистного для него режима исламских мулл. Однако Иран является частью исламского мира, который не останется в стороне от конфликта. Несмотря на то, что в основном арабские страны идут в одном кильватере с США, а танки Катара добровольно участвовали в военных действиях НАТО в Ливии, их позиция в отношении внезапного вторжения США

в Иран наверняка не будет такой однозначной. Особенно если Иран повторит тактику Ирака и нанесет удар по Израилю, а тот ему ответит.

Если конечной целью режиссеров «арабской весны» является отнюдь не Сирия, а Иран, или даже Китай, который зависит от экспорта иранской нефти, то участь Сирии уже давно решена, и как бы ни сопротивлялся Асад, ситуация от этого не изменится. В стратегической комбинации, разыгрываемой США в регионе, Сирия является лишь промежуточным звеном, ступенью, от которой зависит развитие всей операции по подчинению Ирана и перекрытию нефтегазовых артерий Китая в целом. Поэтому цветная революция в Сирии состоится, каких бы жертв это ни стоило: финансовых — организаторам цветной революции — и человеческих — народу Сирии.

V. ИРАН И ИЗРАИЛЬ

Ситуация вокруг Ирана с каждым днем становится все более запутанной, непредсказуемой и в некоторой степени пугающей. Официальной причиной «закручивания пружины» напряженности, неоднократно озвученной представителями США, является нежелание иранского руководства прекратить работы в рамках своей «ядерной программы». Главный вопрос, интересующий всех, заключается в том, приведет ли очередное обострение отношений между США и Ираном к началу нового вооруженного конфликта или новой войны, которая может стать даже более масштабной, чем недавняя операция сил США и их союзников по блоку НАТО в Ливии. Внешне конфликт с Ираном развивается по хорошо известному и многократно опробованному сценарию.

Обе конфликтующие стороны постоянно высказывали весьма воинственные заявления в адрес друг друга и проводимой ими внешней политики. Так, США многократно заявляли о необходимости уничтожения источника «мирового зла» в Тегеране, представляющего угрозу существованию всей западной цивилизации, и продолжают пугать мир иранской ядерной программой, имеющей, по их мнению, военный характер. Иран, в свою очередь, не менее энергично заявляет о своей готовности к отражению любой внешней угрозы, к осуществлению решительных шагов и принесению любых жертв для защиты своего государства, вплоть до блокады Ормузского пролива, по которому проходит основной маршрут транзита ближневосточной и североафриканской нефти. И это отнюдь не громкое заявление: угроза перекрыть Ормузский пролив вполне реальна, для этого Ирану даже не нужно привлекать значительные военные силы, достаточно уничтожить один-два танкера. В результате этого разлившаяся горящая нефть сделает этот район невозможным для судоходства в течение довольно длительного времени.

Вашингтон в очередной раз разыгрывает карту с введением против Ирана новых санкций, оказывая энергичное давление на ООН и мировое сообщество в целом. Этим создается повод для консолидации своих союзников в некий антииранский альянс, который из экономического в любой момент может стать военным. Свежий пример применения такого приема — недавняя война в Ливии.

Израиль, чувствуя себя в центре внимания, в очередной раз предпринимает попытки выгодно воспользоваться созданным положением и фактом того, что именно от него, от его превентивного удара по Ирану может зависеть реальное начало вооруженного конфликта. При этом по отношению к США реализуется тактика «мягкого шантажа»: Израиль отказывается дать гарантии президенту Бараку Обаме в том, что он предварительно предупредит Вашингтон о нанесении удара по иранской ядерной инфраструктуре.

Важным фактором для развития ситуации вокруг Ирана является степень развития его ядерной программы, которая хотя и медленно, но движется к определенной поставленной цели. Качественным показателем этого движения являются успешно проведенные Ираном 2 января 2012 года испытания новой ракеты-носителя «Гадер» с дальностью полета 200 км. Утверждается, что ракеты этого типа способны поражать цели на территории Израиля и базы США на Ближнем Востоке. По мнению МИД Великобритании, эти ракеты также могут нести ядерный заряд.

Вместе с тем испытания этих ракет-носителей не следует рассматривать в качестве по-настоящему серьезной угрозы: это еще весьма «сырые», ненадежные изделия, имеющие низкую точность и практически нулевую защиту против современных средств ПВО. В условиях реальной войны из сотни таких ракет долетит одна, которая и упадет где-нибудь на весьма значительном удалении от цели. Для создания совершенной и надежной ракеты-носителя иранцам нужно то, чего у них сегодня нет — современных технологий и достаточно длительного времени. Так что иранскую ядерную угрозу следует рассматривать, скорее всего, как миф, которым США пугают ООН и своих европейских сателлитов, но не в качестве реальной опасности.

Еще одной особенностью нынешних взаимоотношений между Ираном и США, в основе которой лежит экономический фактор, является весьма накладное для Америки содержание всех своих значительных группировок войск в Ираке и Афганистане, нацеленных для нанесения удара по Ирану. Особенно это касается содержания войск в Афганистане, где США и НАТО контролируют лишь незначительные плацдармы вокруг основных военных баз (имеющих стратегическое значение для военного контроля всего региона, не ограничивающегося только территорией Афганистана), оставив остальную территорию местной власти и талибам, от досаждающих нападений которых коалиционные силы вполне успешно откупаются. Однако, «если курок взведен, ружье должно выстрелить», то есть в рассматриваемой ситуации эти группировки должны быть использованы по прямому назначению. В противном случае надо уходить из оккупированных стран, так как со временем в них начнется настолько массовое и организованное национально-освободительное движение, что американские и натовские силы оттуда могут просто не выпустить.

Вместе с тем проблемы оппозиции в Сирии, где все еще держится режим Башара Асада, указывают на то, что время решительных действий США против Ирана еще не пришло. Американцы еще не завершили операцию по реформированию Ближнего Востока, который в случае начала наземной операции против Ирана станет для США стратегическим, но весьма ненадежным тылом. Иран — часть исламского мира, который не останется в стороне от конфликта. Несмотря на то, что арабские страны в основном поддерживают США, их позиция относительно войны с Ираном наверняка не будет такой однозначной. Особенно в том случае, если Иран повторит опыт Ирака и нанесет удар по Израилю, который ему обязательно ответит.

В связи с этим становится понятна логика авторов цветных революций на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Сметенные «арабской весной»

режимы в Египте, Тунисе, Ливии и находящийся под прицелом режим в Сирии были смещены (или находятся в фазе смещения), потому что были недостаточно надежны. Более того, они мгновенно перестали бы быть лояльными по отношению к США в случае выступления Израиля против Ирана. Как результат этого — в тылу американской и натовской коалиции сформировался бы «второй фронт» из сплоченных военной необходимостью арабских стран. За короткий срок эта необходимость превратилась бы в национальную идею, которая объединила бы разрозненный и противоречивый арабский мир в новый халифат и стала бы непреодолимым препятствием для США в деле использования принципа «разделяй и властвуй» в арабском мире. Таким образом, цепь цветных революций в арабских государствах и настойчивое стремление провести такую акцию в Сирии носят явный характер «зачистки тылов» перед началом крупной военной операции в регионе, целью которой для западных коалиций может быть только Иран.

В конфликте США с Ираном возможно повторение известной схемы, которую американцы достаточно качественно отработали в военной операции в Ливии. США не хотели выглядеть агрессорами в чистом виде. Это могли позволить себе республиканцы, но не может позволить Б. Обама, избравший целью своей политики восстановление практически уже полностью утраченной «привлекательности образа американской демократии». Поэтому Вашингтон умело подтолкнул двух гиперамбициозных и чересчур честолюбивых политиков — Кэмерона и Саркози (двух «безумцев», как их нередко называют в европейской политике) — к развязыванию военных действий, переложив на них ответственность за этот шаг. Затем сработал верный расчет: когда в результате первых четырех месяцев военной кампании силы франко-британской коалиции показали свою полную несостоятельность и оказались на грани военного коллапса, Вашингтон «вынужденно» пришел на помощь своим военно-политическим союзникам, которых США, конечно же, не могли бросить в трудном положении. Таким образом, свое вмешательство в конфликт США весьма удачно облекли в форму «морального долга» перед европейскими союзниками, совершив «благородный поступок». Точно такой же сценарий разворачивается сегодня в Сирии, где вооруженная на западные деньги оппозиция (по сути — мятежники) уже стоит на пороге того, чтобы втянуть во внутренний конфликт европейские страны, а затем призвать США срочно спасти от поражения и тех, и других.

В этой ситуации несколько иную игру ведет Израиль. В Вашингтоне отлично сознают, что удар Израиля по Ирану может стать тем самым спусковым крючком, который инициирует конфликт, и одновременно прекрасным поводом для вмешательства в него США и НАТО — конечно же, под предлогом защиты своего главного стратегического союзника на Ближнем Востоке. В связи с этим понятны израильские заявления в адрес Вашингтона о том, что Израиль не считает необходимым заранее информировать администрацию Обамы о своих намерениях нанести предупредительный ракетный удар по Ирану: все это может быть хорошо поставленным спектаклем, разыгрываемым для европейских союзников, России, Китая и мирового общественного

мнения в целом. Понятно, что по «сценарию» Вашингтон должен оставаться в неведении относительно серьезности намерений Израиля и реальности их воплощения в действие.

Несмотря на всю остроту противостояния, Иран для США не может быть стратегической целью. По большому счету, весь регион, на влияние в котором претендует Иран (Центральная Азия, часть Ближнего Востока), является для американской внешней политики глубокой периферией. Линия противостояния США и других полюсов современного мира, в том числе России и Китая, проходит не по Ближнему Востоку и уж тем более не по Центральной Азии, а по территории объединенной Европы.

Какие выгоды получит США, уничтожив «режим исламских мулл»? Влияние в регионе — возможно. Но, скорее всего, Китай займет эту нишу гораздо быстрее американцев, к тому же он ближе. Контроль над иранской нефтью — несомненно. Но компании США уже сейчас контролируют огромные запасы энергоресурсов Ирака, Ливии и ряда других стран. Иранская нефть, добытая ценой войны, им, по большому счету, ни к чему. Контроль над Ормузским проливом, являющимся ключевой транзитной артерией для поставщиков нефти из района Персидского залива, — конечно, привлекательная цель. Однако этот контроль и так в определенной мере обеспечивается для США их военным присутствием в регионе и мощной группировкой военных кораблей, а также военным потенциалом союзников из числа арабских стран, доказавших свою верность в военных кампаниях в Ираке и Ливии.

Ликвидация иранской ядерной программы? Вероятнее всего, для США это тоже не самоцель. Без современных ядерных технологий Иран не создаст конкурентное ядерное оружие, для которого, помимо заряда, требуется еще совершенный носитель, обладающий необходимой точностью, надежностью и способный преодолеть системы ПВО и ПРО.

Какую же цель преследуют США в противостоянии с Ираном при высокой вероятности получить еще один крупномасштабный вооруженный конфликт, который, скорее всего, будет намного больше и опаснее вьетнамского? Наиболее очевидный ответ можно найти в характере отношений США с Китаем, главным соперником и конкурентом Америки на мировой арене.

Современные отношения США и Китая описываются формулой «конструктивного сотрудничества», в которой важную роль играет парадигма мирного сосуществования двух держав. Во многом такое положение вещей выгодно Китаю, который пока еще не является сверхдержавой и не может конкурировать с США ни по объему ВВП, ни в военной сфере, ни в сфере финансовой. Однако имеющийся разрыв между США и КНР в этих областях быстро сокращается. Китайская экономика гигантскими темпами движется вперед, юань становится региональной валютой и в зонах преимущественного влияния Китая постепенно вытесняет доллар и йену. А если учесть, что в 2017 году Китай завершает комплексное перевооружение НОАК, то после этого справиться с ним будет совсем непросто. Понимают это и США. И, видимо, готовятся к будущему военному столкновению с растущей мировой державой, которая в скором времени наверняка захочет заявить о себе в новом статусе.

Вместе с тем для принятия исторического вызова Китая Соединенным Штатам необходимо вновь набрать экономическую мощь. Это Вашингтон рассчитывает сделать за счет нового прорыва в промышленных и финансовых технологиях, что вполне реально, но требует времени, которое Штаты должны выиграть у Китая путем замедления темпов его развития. Наиболее вероятный путь достижения этой цели — перекрыть поставку в Китай углеводородов, без которых стремительно растущая китайская экономика задохнется. И именно в этом направлении США уже многое делают.

Так, гражданская война и иностранная интервенция в Ливии привели к власти проамериканский марионеточный режим, который тут же перекрыл поставки нефти в КНР. Ранее, при Каддафи, Китай получал из Ливии до 13% всей необходимой ему нефти. Еще один источник нефти, Дарфур (мятежная провинция Судана), в годы временного перемирия между крестьянами-фура и кочевниками-арабосуданцами давал Китаю до 18% всего объема потребляемой им нефти. Но недавно ситуация в Дарфуре вновь обострилась, и сейчас там с новой силой вспыхнула гражданская война. Эти обострения гражданской войны в Судане происходят не без американского участия, поддерживающего повстанцев; отряды арабосуданцев, в свою очередь, деятельно поддерживает Китай.

Еще один поставщик нефти, Иран, обеспечивает своими поставками 26% всех необходимых экономике Китая энергоносителей. И в этом плане вполне понятным становится интерес США к поставкам иранской нефти и газа в Китай. В случае перекрытия этой артерии Китай будет испытывать явный дефицит углеводородов, а попытки компенсировать потери наращиванием поставок нефти и газа из Центральной Азии могут наткнуться на новую волну цветных революций, не раз гулявших в регионе. В этом смысле становится понятным стремление США ввести в отношении Ирана новые санкции, запретив всем импортерам, в том числе и Китаю, покупать иранскую нефть.

Исходя из этих предположений, напрашиваются два вероятных сценария развития ситуации с Ираном.

Первый сценарий будет разыгран США при условии того, что Китай присоединится к санкциям против Ирана и добровольно откажется от поставок иранской нефти, то есть сам себе перекроет жизненно важную для его экономики артерию транзита углеводородов. В этом случае войны, скорее всего, не будет: Иран для США, скорее всего, не самоцель, а лишь фигура в разыгрываемой ими стратегической комбинации.

Второй сценарий вступит в силу в том случае, если Китай проигнорирует требование США и по-прежнему будет закупать у Ирана нефть. Тогда Соединенные Штаты, скорее всего, попытаются перерезать эту артерию китайской экономики силовым путем, расправившись с Ираном в ходе быстрой военной операции. Иран, при всей довольно высокой боеспособности его армии и наличии в его распоряжении еще одних, альтернативных армии вооруженных сил — Корпуса стражей исламской революции, вряд ли сможет защитить себя от такого удара. Но главным условием для начала такой операции является надежный тыл, в котором сегодня остается только один незамиренный очаг

напряженности — Сирия во главе с Башаром Асадом. Поэтому, как только с ней будет покончено, возможно, наступит черед Ирана.

Надо отметить, что перестройка экономики и финансовой системы США уже началась: контролируемый финансовый кризис позволил Вашингтону консолидировать все финансы страны в руках трех крупнейших банков, где их проще мобилизовать для достижения любой глобальной цели. Несложно проверить, что аналогичные процессы в американской истории также имели место перед двумя мировыми войнами — Первой и Второй.

VI. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ВЕРОЯТНЫЕ ЗАКАЗЧИКИ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Оставляя без внимания версию о полной спонтанности и случайности «революций» в Тунисе, Египте и других государствах Северной Африки и Ближнего Востока (которая тоже имеет право на существование), остановимся более подробно на предположении, что все произошедшее в странах Магриба и на Ближнем Востоке неслучайно и имеет внешнего заказчика. В этом случае сразу возникает несколько ключевых вопросов.

– Как эти «революции» были осуществлены, при помощи каких схем, моделей и технологий?

– Кто реальный заказчик и исполнитель «революций» в Северной Африке и на Ближнем Востоке?

– Какие истинные цели преследуют «революции», кто является главной мишенью происходящих событий и зачем для поражения этой мишени понадобилось взрывать весь африканский север, отличавшийся стабильностью и устойчивостью правивших там политических режимов?

На возможных заказчиков, авторов и организаторов цветных революций на Ближнем Востоке указывают некоторые характерные высказывания и заявления авторов технологий цветных революций, «управляемого хаоса» и концепции «Большой Ближний Восток». Все они — граждане США.

Так, один из авторов концепции «Большой Ближний Восток» неоконсервативный теоретик Майкл Ледин утверждает, что «современный исламский мир — это новое издание фашизма». Но «фашизм играет без правил». Следовательно, победить «фашизм» (исламский мир) можно только с помощью аналогичного фашизма. То есть крайне жестких и агрессивных действий, попирающих (ради «благих» целей) некоторые основополагающие нормы демократии. В качестве ядра исламского мира, из которого исходит угроза остальному демократическому миру, он прямо указывает те самые страны Северной Африки и Ближнего Востока, где происходят сегодня арабские цветные революции.

В том виде, в котором существуют эти государства, они не готовы для принятия американских ценностей ввиду того, что их социальное устройство является общинным, клановым, родовым, с сильно доминирующим этническим фактором. На этом фоне в большинстве этих стран были выстроены светские политические режимы с авторитарным несменяемым лидером во главе, с жесткой иерархией и зачастую режимом чрезвычайного положения, с опорой на армию и спецслужбы в качестве основных гарантов соблюдения порядка и единой идеологической стройности. По своей политической форме это на-

циональные государства с авторитарной жесткой вертикалью власти и четкой идеологической базой.

Политические авторитарные режимы, внешне демонстрировавшие лояльность США, не давали подконтрольным им территориям полностью открыться окружающему миру, что необходимо для подключения их к глобальной социальной сети. Все это затрудняло действия американских институтов развития гражданского общества в этих странах, а формальная лояльность многих политических режимов накладывала дополнительные ограничения, заставляющие считаться с их позицией и мнением.

Теперь, по-видимому, пришло время кардинально изменить сложившуюся на протяжении последних десятилетий ситуацию. Известно, что в случае государственного переворота новая власть, состоящая из, в общем-то, сомнительных и малоизвестных международному сообществу элементов, будет в первую очередь озабочена собственным международным признанием и будет готова поступиться любыми национальными интересами ради этого. Следовательно, такое руководство будет намного сговорчивее в решении ключевых политических и экономических вопросов. С таким правительством можно будет пересмотреть экономические соглашения и изменить их в лучшую для себя сторону в обмен за незначительные политические авансы в сторону новой власти.

То, что процесс погружения Северной Африки и части Ближнего Востока начался именно сейчас, говорит о том, что время пересмотра прежних соглашений правительств ряда арабских государств с такими мировыми лидерами, как США (являющимися авторами указанных технологий), видимо, пришло. Если за «финиковыми революциями» стоит именно Вашингтон, то переформатирование им карты Северной Африки и Ближнего Востока может преследовать две основные цели.

Истинные цели революций «арабской весны» в странах Ближнего Востока и Северной Африки лежат, несомненно, глубже, чем просто смена политических режимов и замена в общем-то лояльных, но малоуправляемых (в силу своей бессменности) авторитарных лидеров арабских государств на марионеток, постоянно зависимых от внешней политической поддержки. Эти «революции» необходимо рассматривать не в узком смысле, как рядовые внутригражданские конфликты, а в системе координат глобальной политики. В этой системе координат регион Ближнего Востока и Северной Африки является точкой, в которой сегодня сходятся интересы крупнейших мировых политических сил, сделавших Северную Африку своеобразным полигоном и плацдармом для приближающейся схватки за весь африканский континент, крупнейшей после получения бывшими колониями своей независимости. Эта схватка, по мнению многих аналитиков, станет для черного континента новым территориальным и энергетическим переделом.

Есть несколько важнейших причин, по которым Африка имеет стратегическое значение для мировой экономики, в том числе для геополитических интересов Соединенных Штатов Америки и Китая как крупнейших игроков мирового рынка. Главная из них — нефть. Суммарные нефтяные резервы аф-

риканских стран — 16,6 млрд т, что составляет 10% общемировых запасов. По этому показателю Африка уступает лишь Ближнему Востоку и Евразии. При этом новые месторождения открываются ежегодно. Лидеры по доказанным запасам нефти — Ливия (5,7 млрд т), Нигерия (4,8 млрд т), Ангола (1,8 млрд т), Алжир (1,5 млрд т), Судан (0,9 млрд т). На долю Западной Африки уже сейчас приходится 15% нефти, импортируемой в США, и этот показатель, по всем прогнозам, в течение ближайших 25 лет достигнет 25%. Нефтяные месторождения найдены на побережье Анголы, Сан-Томе, Габона и Нигерии. США пытаются уменьшить энергетическую зависимость от Ближнего Востока, поэтому Африка в последние годы стала особым объектом американского политического интереса.

На африканские страны приходится около трети китайского импорта нефти. В 2006 году Ангола, обогнав Саудовскую Аравию, стала основным поставщиком нефти в КНР. Кроме того, экономика КНР заметно ориентируется на поставки африканского газа. Газовые ресурсы африканского континента значительны. Они насчитывают 14,65 трлн м³, что составляет 7,9% мировых запасов. По доказанным запасам природного газа, Нигерия и Алжир (5,22 и 4,5 трлн м³ соответственно) во всем мире уступают лишь России, Ирану, Катару, Туркмении, Саудовской Аравии, ОАЭ, но значительно опережают такого ведущего экспортера газа, как Норвегия (2,91 трлн м³). Необходимо отметить, что в сфере энергетики КНР является крупнейшим партнером таких африканских стран, как Судан, Ангола, Нигерия, Экваториальная Гвинея и Демократическая Республика Конго.

Углеводороды являются не единственным африканским сырьем, в котором нуждается КНР. Интерес также представляют руды и металлы: цинк, кобальт, медь, уран и бокситы, которые импортируются из Замбии, Зимбабве, ЮАР, ДРК, Габона и Марокко. Несмотря на то, что сам КНР располагает значительными запасами цветных металлов, большинство китайских месторождений — это бедные и не приспособленные к искусственному обогащению руды. Разрыв между ростом спроса на цветные металлы в силу бурного промышленного роста КНР и предложением в силу сокращения внутренних запасов может вызвать серьезную проблему для экономики страны.

Таким образом, Африка и Ближний Восток сегодня являются точкой пересечения жизненно важных интересов двух великих держав — США и Китая, которые уже вступили между собой в непримиримую борьбу за доступ к энергоресурсам и политическое влияние в регионе.

Для Вашингтона страны Магриба — ключевой регион на карте мира, установление контроля над которым позволяет управлять глобальным транзитом углеводородов и других видов стратегического сырья для крупнейших развивающихся экономик (прежде всего Китая). США в темпах экономического развития проигрывают своему главному сопернику — Китаю и все больше становятся зависимыми от его быстро растущей экономической и политической мощи. В этих условиях политика Вашингтона может выражаться в том, чтобы любой ценой удержать контроль над крупными запасами углеводородного сырья, воспрепятствовать его поставке в Китай и Европу и тем самым сдер-

жать их экономический рост. Один из методов достижения этой цели — использование национальных сепаратистских и экстремистских движений для дестабилизации неподконтрольных регионов — так называемый «управляемый хаос». Применение именно таких технологий и наблюдается сегодня в странах Северной Африки и Ближнего Востока, переживших или продолжающих переживать «финиковые революции». Это первая основная цель США и причина «революционных» событий в регионе: не исключено, что перед новой элитой, пришедшей к власти с помощью технологий цветных революций и «управляемого хаоса», будет поставлена задача перекрыть (или существенно сократить) экспорт энергоносителей в Китай.

Вторая основная цель Вашингтона может иметь отношение к приближающейся схватке за Африку и ее энергетические ресурсы в целом. Как повод для соперничества великих держав и предмет нового геополитического передела сфер влияния Африканский континент сегодня несомненно представляет лакомую добычу. Вместе с тем в политическом плане Африка — самый молодой регион мира. Средний возраст расположенных здесь стран, кроме Эфиопии, — менее 40 лет. Подавляющее большинство государств было образовано после распада колониальных империй европейских метрополий во второй половине XX века. Не исключено, что в самом ближайшем будущем на смену колониальным границам придет новое политическое устройство региона. В этом переустройстве США рассчитывают сыграть ключевую роль, выдвинув концепцию нового геополитического образования — «Большого Ближнего Востока». Цепочка цветных революций в странах Северной Африки и Ближнего Востока может стать первым практическим шагом на пути ее реализации.

VII. ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ВЕНЕСУЭЛЕ

В настоящее время в Венесуэле разворачивается протестное движение, имеющее все признаки классической цветной революции. Это может означать, что США, реализовав сценарий цветной революции на Украине, занялись другим союзником России — Венесуэлой.

Цветная революция в Венесуэле вполне возможна, более того, она неизбежна. Дело в том, что авторитет и популярность Венесуэлы в латиноамериканском мире исключает грубое военное вмешательство со стороны США, как это было в Гренаде и Панаме. Поэтому, стараясь уничтожить завоевания Боливарианской революции и подорвать стремление народа Венесуэлы к свободе, США будут использовать «мягкую силу», «мягкие» технологии государственных переворотов, замаскированные под стихийные политические процессы и народные революции. Так, как это было ими организовано в Тунисе, Ливии, Сирии. Особенно показателен пример Ливии, в которой цветная революция переросла в гражданскую войну, а та — в интервенцию со стороны Франции и Великобритании, к которым затем пришли на помощь и сами США. Безусловно, Венесуэла — не Ливия, и здесь американцы будут применять особый сценарий, в основе которого все равно будет лежать базовая схема, общая для всех цветных революций. Скорее всего, в Венесуэле будет применена схема, повторяющая вооруженный мятеж 2013–2014 годов в Украине, начавшийся с «евромайдана».

Протестные движения и демонстрации, которые не так давно происходили в крупнейших городах Венесуэлы, был первым признаком начала цветной революции. Обратите внимание на то, что протестные демонстрации происходили в крупнейших городах одновременно. Следовательно, они уже сами по себе не могут рассматриваться как стихийные, поскольку речь идет о высокой степени синхронизации действий.

Второй признак — характер освещения этих протестов западными СМИ, где присутствовали признаки и элементы информационной войны. Есть и другие признаки, точно указывающие на неслучайность и внешнюю управляемость этих протестов.

Если это цветная революция, то поддержка оппозиционных групп извне — обязательное условие ее успешности. Организация масштабных протестов, даже выглядящих как стихийные, стоит очень дорого. Ни одна из сил внутри страны, сочувствующая мятежникам, не располагает такими финансовыми средствами. Как правило, каналы поступления финансов в страну для организации цветной революции довольно легко выявляются финансовой разведкой.

Предварительные испытания сценария цветной революции в Венесуэле прошли во время избирательной кампании, когда чависты фактически проиграла (или выиграла с минимальным перевесом) во всех крупных городах, но победили в провинции.

В Венесуэле использовали технологии «управляемого хаоса» — на это также указывают все имеющиеся признаки. Это технологии разрушения структур и институтов гражданского общества, которые могут противостоять мятежникам и участникам цветных революций. Они делают человеческую среду восприимчивой к лозунгам цветных революций, поскольку их технологии разрабатывались американцами, живущими в обществе индивидуалистов и либералов, для сходных обществ и социальных формаций. В своем чистом виде технологии цветных революций буксуют на Востоке, поскольку общества там не либеральные, а организованы по общинному, родовому или племенному принципу. Управляемый хаос разрушает общинную структуру, в результате чего множество людей оказывается лишенными общественной защиты и испытывают чувство страха и паники, заставляющее их искать спасения, сбиваться в толпу, которую затем используют режиссеры цветных революций.

В случае Венесуэлы «управляемый хаос» был задействован для того, чтобы разрушить социальное единство тех, кто получил многое от мирной революции Чавеса, чтобы ослабить остальные страны латиноамериканского мира, если бы они собрались прийти Венесуэле на помощь.

VIII. ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ В УКРАИНЕ

Сегодня внимание всего мира приковано к событиям в Украине. Жестокость и непримиримость борьбы, за считанные дни переросшей из отдельных столкновений хулиганов и полиции в организованный вооруженный мятеж, не может не оставаться без внимания. Уличные бои в столице соседнего государства и последующая гражданская война на Юго-Востоке, в которой участвуют представители славянского народа, неразрывно связанного исторической судьбой с русским народом, не может не тревожить российскую общественность. Украинские националисты, идущие на острое таранного удара, нанесенного действующей власти, называют эти события «революцией». Хотя на самом деле это можно рассматривать исключительно как государственный переворот, вооруженный мятеж с целью захвата власти, известный в современном мире под общим названием цветная революция. Этот вывод далеко не случаен: в событиях в Украине угадываются признаки, которые всем нам хорошо знакомы по цветным революциям на пространстве СНГ: в Грузии, в Центральной Азии, в «оранжевом» безумии, охватившем Украину в начале двухтысячных годов, а также в недавних революциях «арабской весны».

Сравнивая украинскую (цветную) революцию 2014 года с недавними событиями на Ближнем Востоке и в Северной Африке, нельзя не отметить, что сценарий украинской революции один в один повторяет революцию в Египте. Совпадений слишком много.

– Это характер народных волнений, переросших в массовые беспорядки, которые выдавались за стихийные, но на самом деле таковыми не являлись.

– Хорошо организованное протестное движение, подкрепленное военизированными формированиями боевиков — украинских националистов, переброшенных в Киев из западных областей Украины. Там они все эти годы тренировались в специальных лагерях, изучая тактику сопротивления спецформированиям МВД и СБУ, а также тактику войны в городских условиях.

– Отличное оснащение боевиков, противостоящих «Беркуту». Это шлемы-сферы, щиты, бронезилеты и штурмовые латы, наколенники и налокотники, принятые на вооружение в подразделениях армии США, несущих службу в Афганистане.

– Оружие, в том числе боевое огнестрельное, для завладения которым националисты захватили несколько армейских складов.

– Блокада органов власти, захват (по ленинскому принципу) стратегических и жизненно важных объектов столичной инфраструктуры.

– Использование механизмов конфликтной мобилизации населения, вовлечение его в конфликт на стороне «представителей восставшего народа», разжигание ненависти к правящему режиму, широкая идеологическая обработка попавших под влияние националистов-революционеров.

– Масштабная информационная война.

– Тщательно организованное снабжение восставших всем необходимым для продолжения борьбы, включая спецсредства, одежду, питание, финансы, идущие на оплату услуг наемников и провокаторов.

Этим сходства египетской и украинской революции не исчерпываются. И в том, и в другом случае под прикрытием восставшего народа в вооруженную борьбу включаются организованные и хорошо вооруженные отряды мятежников. В Египте — исламисты, в Украине — западные националисты. При этом общественности эта борьба, имеющая все признаки начала гражданской войны, по-прежнему преподносится как национально-освободительное движение, развернутое восставшим народом против преступного правящего режима. В этом и есть суть любой цветной революции. Ведь такая революция — это технология организации государственного переворота в условиях искусственно созданной политической нестабильности, в которой давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а основной движущей силой таранного удара по власти выступает специально организованное молодежное протестное движение.

И в том, и в другом случае «восставшему народу» противостояла слабая и коррумпированная власть, которая боялась предпринимать решительные меры. Она медлила перед выбором, металась между недавними союзниками, которые в новых условиях стремились от нее дистанцироваться. Власть делала противоречивые заявления, демонстрируя свою беспомощность и дискредитируя тем самым себя едва ли не более эффективно, чем это пытались сделать ее противники. Именно так вел себя Мубарак: до последнего момента верил, что США придут ему на помощь и спасут от разыгранного ими же спектакля цветной революции. Однако его надежды не оправдались, как не оправдались и ожидания Януковича, что почти европейская Украина — это не «дикий» Египет, а украинцы — не безграмотные арабы. Мол, все само собой рассосется.

Янукович несколько лет спустя в точности повторил поведение Мубарака. Несмотря на явную угрозу со стороны разрастающегося мятежа, который начался с пустяковых по сути волнений на так называемом майдане, он ничего не сделал для того, чтобы пресечь этот переворот. Вместо того чтобы жесткими, но справедливыми мерами навести порядок — как это сделал с «васильковой революцией» Лукашенко, — Янукович затеял непонятную политическую игру. Заигрывая то с Западом (Евросоюзом и США), то с Россией, он надеялся на фоне «предназначенной ему великой роли сдерживания хаоса» в Украине получить очередные финансовые транши и от тех, и от других. Эта слабость Януковича и стала причиной того, что сначала он потерял поддержку своего электората, а затем от него отвернулись и сторонники, начавшие стремительно разбегаться или просто перебежать в лагерь противника. В этих критических условиях Янукович отдал приказ о силовом подавлении майдана, который на-

столько фатально запоздал, что уже ничего изменить не мог, а только привел к многочисленным человеческим жертвам с обеих сторон и подставил защитников государственности — силовиков. Но добиться выполнения приказа до конца у Януковича не хватило силы воли. С того момента, как мятежники подтянули на майдан незаконные вооруженные формирования националистов и стали формировать из основной массы протестующих отряды самообороны (то есть городскую милицию), подавление мятежа стало возможным только ценой большой крови. Вот на это Янукович и не решился, опасаясь при этом не столько за загубленные жизни, сколько за сохранность своих капиталов и счетов в зарубежных банках, которых его в одночасье могли лишить, признав «международным уголовным преступником». Его заигрывания с Евросоюзом также сыграли фатальную роль. ЕС сначала настаивал на том, чтобы Янукович решительно подавлял беспорядки в столице, восстанавливая законность. А когда он наконец приступил к этому и появились первые жертвы, ЕС тут же начал заявлять о несоблюдении прав человека, о геноциде режимом Януковича собственного народа, а также о необходимости срочно пойти на уступки мятежникам и вступить с ними в переговоры. Когда Янукович, следуя этой рекомендации, пошел на переговоры с мятежниками, они сочли это признанием власти в слабости и резко активизировали свои действия, вступив в фазу непримиримой вооруженной борьбы.

Различия между Египтом и Украиной невелики. В Египте на площади Каира вышли арабы, в Киеве — украинские националисты и просто граждане, недовольные засильем донецкого клана. И в том, и в другом случае катализатором цветной революции стала «усталость от власти» — от режима Мубарака и от режима Януковича. К этому и пытаются апеллировать националисты, забывая о той очевидной аналогии, которая прослеживается между украинскими и египетскими сценариями. В аналогичных революциях в Сирии и Ливии против правящего режима выступили исламисты, с которыми эти режимы на протяжении десятилетий вели непримиримую борьбу. В Украине в составе националистов много католиков, грекокатоликов и адептов многочисленных протестантских сект, в основном носящих тоталитарный характер и проповедующих экстремизм. И в том, и в другом случае успех переворота стал возможным только благодаря слабости и бесконечным колебаниям правящего режима, первоначально чрезвычайно самоуверенного, а затем быстро павшего духом и самим своим примером давшего сигнал своим сторонникам «спасаться, кто как может». И в Египте, и в Украине цветные революции осуществлялись в несколько этапов — речь идет о революциях 2014 года, к которым можно отнести события на Украине. Просто между украинскими революциями («оранжевой» и нынешней) прошло 10 лет, а между египетскими — около года. В Египте после переворота к власти пришли умеренные исламисты, в Украине власть захватили крайние националисты, что примерно одно и то же.

Следуя общей логике развития мировых процессов, можно предположить, что Януковича теперь ждет участь других лидеров государств, смещенных в результате цветных революций — Каддафи, например. Общественное мнение США и западных стран сделает его международным преступником,

специальные полицейские подразделения США будут гоняться по всему миру, найдут где-нибудь в Африке или Латинской Америке и выдадут «оранжевым». По дороге он может пострадать «при попытке к бегству», или какой-нибудь ярый западенец случайно разрядит в него свой дробовик, не справившись с эмоциями, нахлынувшими на него на чужбине. Потому что кто знает, что обещали Януковичу западноевропейцы и американцы, подталкивая сначала на силовое подавление протестов, а затем на переговоры и фактическую капитуляцию, сопровождающуюся сдачей всех пророссийских позиций и завоеваний.

Цветная революция 2014 года в Киеве поставила Украину на грань распада государства по геополитическим линиям напряженности, который абсолютно точно не будет проходить мирно и безболезненно. В случае распада Украину ждет югославский сценарий — война всех против всех. Все это сильно ударит по безопасности соседних государств, на которые может перекинуться пламя цветной революции. Последствия реализации такого сценария для России даже страшно представить. Революции «арабской весны», прокатившись по пространству СНГ и ударив по России, могут стать началом «христианской зимы».

В течение всего времени, пока по Северной Африке и Ближнему Востоку неслось цунами цветных революций и внимание мировой общественности было приковано к трагедии Ливии и Сирии, в России не переставали спорить, куда повернет эта волна, когда будет сметен последний бастион — режим Башара Асада. То, что новые технологии реализации цветных революций, основанные на «управляемом хаосе», пройдя обкатку на арабском Востоке, этим самым Востоком не ограничатся — было для всех более-менее очевидно. Возник вопрос: для какой же страны готовится эта мясорубка? Для Ирана, где в 2009 году почти достигла своей цели так называемая «зеленая революция»?

В качестве следующих целей цветных революций назывались государства Центральной Азии, где предыдущая модель таких революций не смогла обеспечить стабильности марионеточных режимов, пришедших на волне цветной революции к власти. Вспоминали про Беларусь, которая давно уже является сильным раздражителем для всего Запада, чем-то напоминая режим Каддафи. Кое-кто упоминал Китай. Вместе с тем волна цветных революций не продолжила форматировать мусульманский Восток, а неожиданно проявилась в Украине — непосредственно у границ России. Отсюда следует очевидный вывод: цель новой волны цветных революций — не Украина и не режим Януковича, а Россия, ее суверенитет, территориальная целостность. Потому что цветные революции — это изобретение англосаксов, североамериканцев, и только они эти технологии умеют применять на практике. Можно сказать, что цветные революции — это их фирменный почерк. Но менять Януковича на Порошенко, Яценюка или Турчинова для США не было никакого резона. Все эти годы Янукович, делая вид, что он всем сердцем с Россией, на самом деле проводил полностью прозападную и проамериканскую политику, был послушным исполнителем воли Вашингтона и Брюсселя, подставляя Россию каждый раз, когда это было выгодно интересам его клана или его западным «партнерам»

и «наставникам». То есть был абсолютно — с американской точки зрения — лояльным. Менять его для США не было никакого резона, так же как не было необходимости смещать Мубарака, одного из самых верных и преданных союзников США в арабском мире. Поэтому американцы на начальных этапах развития цветной революции предпочитали управлять событиями, находясь в глубокой тени, и вообще особо не напрягались — ведь кто бы ни победил, он все равно будет в конюшне внешней политики Соединенных Штатов. Если бы победил Янукович — цветная революция стала бы для него предупреждением и уроком, как в свое время — выступление Окруашвили против Саакашвили в Грузии. Если бы пришли к власти Кличко или Тимошенко — они первые побежали бы к Соединенным Штатам за внешнеполитической поддержкой и признанием, поскольку только влияние и авторитет США способны сделать из обыкновенных мятежников и бандитов европолитиков, с которыми будет разговаривать цивилизованная Европа.

России, опираясь на украинский опыт, необходимо готовиться к тому, что она станет следующей в перечне мишеней англосаксонских цветных революций. Эти революции уже обкатаны как в условиях традиционных обществ восточного типа, так и в условиях сверхцентрализованного государства, построенного по принципу «вертикали власти» и не имеющего подушки безопасности в виде гражданского общества, способного противостоять подрывным операциям. В этом плане предпринимаемые российским руководством усилия по связыванию пассионарной активности основной массы молодежи, которая является движущей силой любой цветной революции, дают хотя и важный, но в целом все же незначительный эффект. Речь идет о вовлечении молодых граждан в различные формальные проправительственные движения («Наши», «Молодая Гвардия» и т. д.), о пресечении деятельности на территории РФ иностранных фондов-агентов, на счета которых и закачиваются финансовые средства на организацию цветных революций. Это профилактика цветных революций, а не борьба с ними. Вооруженный мятеж в Украине 2014 года вынуждает нашу страну разрабатывать государственную концепцию по противодействию цветным революциям как в России, так и на всем пространстве СНГ. Концепцию необходимо подкрепить «дорожной картой» ее реализации.

Наивно надеяться, что и на этот раз волна цветных революций обойдет Россию стороной — в политике чудес и исключений не бывает. Просто американцы долго искали подходы к России, основываясь на опыте пробной цветной революции — так называемой «революции белых ленточек». И наконец такой подход нашли. Украина — это не что иное, как последняя генеральная репетиция такой революции, обкатка ее на стране со сходным менталитетом, культурой и цивилизационной идентичностью.

Разрешение кризиса на Украине возможно при соблюдении четырех основных условий.

Первое условие — невмешательство во внутренние дела Украины, России и славянского мира вооруженных сил стран Запада (США и их партнеров по НАТО) в форме прямой военной интервенции по гренадскому или панамскому сценарию.

Второе условие — мирное урегулирование кризиса путем созыва мирной конференции (например, в Ялте), в которой должны принять участие все государства, обеспокоенные событиями на Украине, заинтересованные в скорейшем урегулировании кризиса мирным путем и видящие в этом единственную цель своей миротворческой миссии. Безусловно, в мирной конференции по Украине, созываемой под эгидой СБ ООН по примеру Женевы-2, должны принять участие не только Украина и Россия, но и западные страны — США, государства ЕС, а также новые мировые полюса, связанные с Россией различными форматами партнерских отношений: Китай, Бразилия, Индия.

Третье условие — это скорейшая федерализация Украины и превращение ее из унитарного государства в конституционную асимметричную федерацию, состоящую как минимум из четырех регионов — центрального округа во главе с Киевом, запада, востока, юга. Только этот шаг позволит избежать распада страны по образцу Югославии.

Четвертое условие — легитимная передача власти любому из претендентов, который придет к власти законным путем, с помощью свободных и демократических выборов, являющихся единственным легитимным механизмом смены, обновления и воспроизводства государственной власти. Разумеется, таким кандидатом не может стать нацист или лицо, запятнавшее себя сотрудничеством с украинскими нацистами, устроившими вооруженный мятеж.

IX. ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ГОНКОНГЕ

События, развернувшиеся в Гонконге в сентябре — октябре 2014 года и принявшие характер массовых протестов, имеют все признаки применения технологий цветных революций, разработанных США для принудительного демонтажа неугодных им политических режимов. В частности, так называемая «революция зонтиков» в Гонконге практически полностью, вплоть до деталей, совпадает со сценарием цветной революции в Киеве в начале 2014 года. Таких совпадений слишком много, вот лишь некоторые из них.

1. Выборы (оспаривание результатов выборов) как формальный повод инициации протестной активности населения больших городов.

В классических схемах цветных революций основным механизмом, приводящим народные массы в движение, являются выборы. Именно выборы во власть, проводимые на национальном или региональном уровнях, приводят значительные массы населения (в первую очередь — молодежи) в состояние повышенного возбуждения, связанного с ожиданиями политических изменений в жизни страны в целом и их самих в частности. Выборы всегда протекают в особом состоянии повышенного эмоционального напряжения, подогреваемого слухами, страхами, фобиями, информационными вбросами недостоверной или политически ангажированной информации, которая будоражит умы и повышает риски вовлечения людей в различные формы стихийного политического поведения; их организаторы цветных революций используют для формирования основной ударной силы — протестного движения, политической толпы. Переориентировать стихийную активность граждан, находящихся в возбужденном, «пограничном» состоянии психики, на участие в протестном движении довольно просто: необходимо оспорить результаты выборов и пустить слух, что у оппозиции «украли» большую часть голосов избирателей. В классических схемах цветных революций в Восточной Европе (так называемых «бархатных революциях» в Югославии, Чехословакии, Румынии, Венгрии и т. д.) революционные движения разворачивались только после выборов и опротестования их результатов оппозицией. Без выборов цветные революции были в принципе невозможны, поэтому для многих лидеров политических режимов, неугодных США, именно выборы становились зоной максимального риска — то есть той точкой политического процесса, в которой риск организации государственного переворота становился максимальным.

Впоследствии сценарии цветных революций отошли от привязки к выборам и стали использовать в качестве инцидента другие события политической жизни. Так, в Тунисе сигналом к началу государственного переворота послужило

самоожжение торговца на одной из центральных площадей столицы. В Украине 2014 года сигналом к вооруженному мятежу послужил приказ Януковича разогнать «евромайдан». Тем не менее для Гонконга был выбран классический повод для организации волнений — выборы местной власти, которые были опротестованы лидерами оппозиции еще до того, как начались.

Формальным поводом для начала цветной революции в Гонконге послужило решение Государственного совета КНР об изменении порядка выборов главы Гонконга, имеющего статус специального административного района КНР. Согласно этому решению, власти КНР разрешили проведение в Гонконге свободных демократических выборов, но уточнили, что баллотироваться на них смогут только те политики, чьи кандидатуры были одобрены верховными властями КНР. Этим сразу же воспользовались противники коммунистического правительства КНР и организовали информационный вброс в местные СМИ, дающий оценку решения Госсовета КНР. Подобный вброс широко распространился среди местного населения по неформальным каналам коммуникации и сфокусировал внимание населения Гонконга на «угрозе их независимости», исходящей от китайского коммунистического руководства. По мнению оппозиции, такое решение Госсовета значительно ущемляет демократические права населения Гонконга и прямо противоречит базовому принципу воссоединения Гонконга с Китаем: принципу «одна страна — две системы». Тем самым был запущен механизм конфликтной мобилизации населения Гонконга с целью вовлечения граждан КНР в агрессивное протестное движение, направленное против действующей коммунистической власти КНР и под лозунгами «защиты демократических прав и свобод» стремящееся организовать государственный переворот.

Возвращение американских организаторов цветных революций к привязке цветных революций к выборам в случае с Гонконгом не случайно. Видимо, в новых для себя условиях оперативной деятельности на пространстве КНР американцы опираются на многократно опробованные в прошлом и потому надежные шаблоны и схемы организации цветных революций, которые точно не должны дать сбой.

2. Обращает на себя внимание то, каким именно образом на улицах Гонконга возникло организованное протестное движение. Его отличительной особенностью, позволяющей отнести волнения в Гонконге к категории цветных революций, является то, что для формирования агрессивной протестной толпы лидеры «революции зонтиков» выбрали площадь, на которой находится станция метро «Централ Парк», и организовали там свой «евромайдан», аналогичный тому, который был организован в Киеве на майдане Незалежности. Этот факт также очень сильно роднит цветную революцию в Гонконге с цветной революцией в Киеве.

Массовые протесты в Гонконге начались после того, как 27 сентября группы студентов под лозунгом «Occupy Central» заняли центральные финансовые кварталы Гонконга. Полное название кампании — «Occupy Central with Love and Peace» («Оккупируй Централ с любовью и миром»). Лидером активистов стал профессор права Университета Гонконга Бенни Тай. Впоследствии к кампании

присоединились не только студенты, но и обычные жители города. Основным требованием протестующих являлась реформа избирательной системы Гонконга, призванная расширить демократические права его граждан.

Стоит обратить внимание на то, что в самоназвании протестного движения появился термин-лозунг «Оссиру» («Окупай»), известный по сценариям цветных революций в других странах. Он обозначает определенную тактику действий, которой в цветной революции придерживается протестное движение на ее начальных этапах, пока само движение еще не набрало силу и не превратилось в спаянную политическую толпу. В начале любой цветной революции главная цель протестующих — парализовать деятельность действующей власти, с тем чтобы нарушился существующий порядок управления, координация между министерствами и ведомствами, и власть оказалась в состоянии ступора, потеряв способность исполнять свои функции и эффективно противодействовать нарастающей угрозе со стороны цветных революционеров. Для этого протестующие предпринимают попытки захвата зданий государственной администрации, пытаются захватить силовые ведомства, блокируют движение транспорта и т. д. Протестующими реализуется тактика саботажа и парализации действующей власти.

В Украине активисты «евромайдана» сразу же после организации лагеря на площади Независимости захватили ряд зданий Администрации президента Украины, МВД, ряд других государственных учреждений. Некоторые здания были блокированы мятежниками так, что государственные чиновники не могли попасть на работу. В Гонконге повторился все тот же сценарий: активисты движения «Окупай» приступили к захвату правительственных зданий, расположенных вблизи станции метро «Централ», а затем захватили и центральные финансовые кварталы Гонконга. Тем самым протестующие предприняли хорошо организованную попытку парализовать деятельность органов государственной власти в Гонконге.

3. Лозунги протестующих в Украине (на «евромайдане») и в Гонконге (на площадке «Оссиру Central») необычайно схожи. В Украине на «евромайдане» протестующие выступали за так называемый «европейский выбор Украины», то есть за «право Украины быть полноценным европейским государством». Чему, по мнению протестующих, всячески мешал президент Янукович, отказавшийся подписать соглашение об ассоциации Украины с Европейским Союзом ради сближения с Россией. Протестующие в Гонконге выступали за защиту их права на «свободные демократические выборы», гарантированного договором о вхождении Гонконга в состав КНР. По мнению протестующих, этот договор сознательно нарушался Пекином. То есть фактически в Гонконге демонстранты выступали за то же, что и активисты «евромайдана» в Киеве: за «европейский выбор». Только гонконгцы видели в «европейском выборе» Гонконга способность сохранить демократические атрибуты собственного политического строя, не допустить ассимиляции своей политической системы в политической системе КНР, а украинские майдановцы выступали за право «быть с Европой, жить, как европейцы, следовать европейским либеральным ценностям». По сути дела, это одно и то же: украинский «демократический

шаблон» был без изменений перенесен авторами цветных революций — американцами — на китайскую почву.

Важно отметить также тот факт, что «революция зонтиков» в Гонконге отметилась таким событием, как ставшее уже традиционным для цветных революций видеообращением «простых участников протестов» к своим гражданам, еще не вовлеченным в протестные акции, и ко всему миру (в основном западному). Первое такое видеообращение появилось в Тунисе в преддверии «финиковой революции». Его автором стал тот самый торговец, который затем публично сжег себя на одной из центральных площадей столицы. Его ролик был наполнен отчаянием, в котором, тем не менее, содержались призывы к изменению власти.

С тех пор технологии подачи видеообращений продвинулись далеко вперед и в сценарном, и в психологическом плане: 20 февраля 2014 года, после начала протестов в Киеве, в интернете появилось резонансное «Видеообращение девушки с Майдана к миру», быстро разошедшееся по европейским и американским телеканалам. Девушка, представляющаяся киевлянкой, на чистом английском рассказывает о том, как свободолюбивые украинцы вышли на улицы, чтобы освободиться от диктатуры. И просит помощи в распространении информации: обратиться на это внимание семей, друзей, а главное — правительств, просит поддержать «свободу». Это видеообращение оказалось для правительств западных стран настолько значимым, что оно демонстрировалось в Конгрессе США как один из аргументов в пользу введения санкций против России.

Спустя полгода после появления видеообращения «простой девушки с Майдана», 28 сентября 2014 года, в Гонконге появляется новое видеообращение «простой девушки с «Окупай Централ», в котором она на хорошем английском просит западные демократии (в первую очередь Вашингтон и Брюссель) «помочь Гонконгу» в его борьбе за демократический выбор. Название ролика, транслировавшегося по всем западным телеканалам — «Пожалуйста, помогите Гонконгу». При этом оба видеообращения — 20 февраля из Киева и 28 сентября из Гонконга — обнаруживают между собой поразительное сходство. По сути, «цинично повторяется прием, медийно сопровождавший начало украинской трагедии»⁴.

4. Обращает на себя внимание состав протестующих масс: и в Украине, и в Гонконге это в основном молодежь, студенты, аспиранты, молодые люди в возрасте до 35 лет, большинство из которых еще не нашло своего места в жизни и находится в активном поиске, стремясь перепробовать все доступные варианты. Идеи цветных революций становятся для них весьма привлекательными, поскольку сценаристы цветных революций стремятся окружить их ореолом романтики, идеализма, самопожертвования ради общей цели. Молодой человек, вовлеченный в псевдореволюционную деятельность, сразу ощущает свою значимость для истории. Возможно даже, всего человечества, потому что основ-

⁴ <http://forum.kiev.ua/mir/7910-kitaiskii-gonkong-ocherednoi-proekt-tsvetnoi-revolutsii.html#ixzz316rqsfQR>

ная масса цветных революционеров стремится идти спасать весь мир. Такой человек начинает примерять на себя роль брутального героя-революционера, в связи с чем существенно повышается его самооценка. Наконец, приобретает особый социальный статус внутри того сообщества, которое формируется на майдане из таких же протестующих и их координаторов из среды руководства протестным движением. Все это может легко вскружить голову и отключить мозг, чем идеологи цветных революций и пользуются, вовлекая в протестное движение массы пассионарной молодежи. Неслучайно ядро майдановцев в Украине и ядро «зонтичных революционеров» в Гонконге на начальных этапах цветной революции формировались в основном из студентов.

5. В цветных революциях 2014 года в Украине и Гонконге присутствуют одни и те же технологии и процедуры выдвижения «революционных» лидеров, способных возглавить протестное движение. Все они возникают «ниоткуда»: до перехода цветной революции в активную фазу эти личности, как правило, никому не известны. Типичным примером является сирийский диссидент доктор Гальюн, никому не известный преподаватель Сорбонны, которого выдернули из теплого и уютного Парижа исключительно потому, что американцам срочно потребовался хоть какой-нибудь идейный противник режима Асада, для того чтобы сформировать из него и ему подобных новое «свободное демократическое правительство Сирии». В Украине (за исключением западной ее части — Галиции) никто не знал, кто такие Ярош, Парубий, Тягнибок, Музычко. Для большинства населения Украины (в том числе той его части, которая поддержала «евромайдан» в Киеве) все эти персоны были глубокими маргиналами. Они получили известность исключительно благодаря американским деньгам, на которые в Киеве был организован фашистский мятеж. Примерно такой же фигурой был Яценюк, нынешний премьер-министр Украины, по совместительству — активный адепт секты сайентологии. В Гонконге лидером цветных революционеров стал Джошуа Вонг — «первый зонтик революции», личность весьма примечательная. Этот лидер «стихийного протестного движения» прошел длительную комплексную подготовку в американском Центре продвижения демократии, действующем под «зонтиком» ЦРУ, где его учили (также как российского псевдооппозиционера Навального в Центре по продвижению демократии при Йелльском университете, США) организации и управлению массовыми политическими движениями. В том числе технологиям формирования политической толпы (для которых необходимым условием успешности является наличие специально отведенного места — майдана), технологиям промывания мозгов, манипулирования массовым сознанием и технике информационно-психологической диверсионной работы, направленной на подрыв авторитета и влияния действующей власти. Помимо самого лидера молодежного движения Вонга, подобную специальную подготовку прошли активисты его движения, которые затем вернулись в Гонконг и потратили два года на создание хорошо законспирированной сети сторонников цветных революций, опутавшей все кварталы Гонконга. В нужный момент по сигналу эти ячейки вышли из подполья на улицы Гонконга и стали ядрами притяжения для множества случайных граждан, вовлеченных в протестное движение только

потому, что они считали все происходящее стихийным процессом, возникшим как естественная реакция на заявление китайских властей по поводу выборов главы Гонконга. То, что основой протестного движения, собравшегося на «Окупай Централ», стали специально подготовленные активисты, хорошо натренированные на участие в массовых уличных беспорядках, исключает саму возможность стихийной самоорганизации протестующих. Как в любой цветной революции, протестное движение, внешне выглядящее стихийным и спонтанным, внутри обнаруживает хороший уровень организации, высокую степень структурированности, иерархию подчиненности и высокий уровень координации и скрытого управления всеми процессами из единого центра. То же самое наблюдалось и на «евромайдане» в Киеве, где основой протестного движения стали не романтики-студенты, а хорошо подготовленные и вооруженные боевики-националисты из западных областей Украины, многие из которых прошли двухгодичную боевую и диверсионную подготовку в специальных лагерях на территории Польши и стран Балтии.

3. Зонтики как символ цветной революции в Гонконге появились далеко не сразу. Первоначально «революцию» в Гонконге ее авторы и сценаристы назвали «желтой революцией», остроумно обыграв фамилию ее лидера: «Вонг» по-китайски означает «желтый». Дело в том, что все цветные революции получают свои прилагательные: «оранжевая революция» в Украине 2004 года, «революция роз» в Грузии, «тюльпановая революция» в Киргизии (1-я и 2-я), «фисташковая революция» в Тунисе, «финиковая революция» в Египте, «бульдозерная революция» в Югославии и т. д. По-другому быть не может: цветные революции очень успешно маскируются под революции настоящие, возникающие как результат развития объективного исторического процесса, но технологичность и повторяемость одних и тех же сценариев и шаблонов неизбежно выдают в них технологию организации государственных переворотов. Вот и для «революции» в Гонконге понадобилось название, которое было бы способно превратить образ этой революции в политическую торговую марку, в яркий бренд, который затем довольно просто продвигать в массовое сознание западного обывателя с помощью технологий политического маркетинга, пиара, манипулирования и информационных войн. Именно такой образ революции в Гонконге и был создан американскими политтехнологами. Однако очень скоро они поняли, в чем ошиблись. Для американского и большей части европейского электората все китайцы — представители «желтой расы», они все «желтые», и, следовательно, «желтая революция» в Китае может восприниматься европейскими и американскими обывателями как общекитайский процесс, происходящий со всей страной, а не с отдельной ее частью (Гонконгом). Что-то вроде нового «большого скачка». В результате неудачного выбора символики революции — желтого цвета, сам образ цветной революции в Гонконге стал размыт и непонятен. И тогда происходит ребрендинг: по предложению неизвестного американского блогера, цветную революцию в Гонконге начинают называть «зонтичной революцией», а символом революции становятся зонтики, которыми протестующие якобы закрывались от водометов китайской полиции.

Выбор зонтика в качестве символа и атрибута цветной революции — одновременно и удачен, и неудачен. С одной стороны, у сторонников и активистов «Гонконгского майдана» появился визуальный знак, с помощью которого оппозиционеры отличают «своих» от «чужих»: такая система распознавания «свой — чужой», аналогичная системам в самолетах, действует во всех цветных революциях, поскольку цветные революционеры жизненно нуждаются в идентификации противостоящего им противника, которого надо выявить и уничтожить. А как его выявишь, этого противника, если по обе стороны баррикад люди являются гражданами одной страны и говорят на одном языке, одинаково одеваются и может быть даже ходили в детстве в одни и те же школы? Исчерпывающий ответ на этот вопрос дает специальный опознавательный знак, прикрепленный на одежде цветных революционеров, или предмет, который они держат в руках. В оранжевой революции в Украине в 2004 году таким знаком первоначально были апельсины, а впоследствии просто оранжевый цвет; в «евромайдане» 2014 года надобность во введении специальной символики отпала, так как ее заменила нацистская и бандеровская символика «Правого сектора». В цветной революции в Гонконге такой символикой стали зонтики, которые затем стали популярным символом поддержки «китайских майдановцев» в западных странах.

Единственно, в чем американские политтехнологи, авторы цветной революции в Гонконге, просчитались, это в том, что «революция зонтиков» очень быстро превратилась в «зонтичную революцию» (так ее стали называть), а вместе с трансформацией первоначального названия изменился и его смысл. Причем изменился кардинально: дело в том, что «зонтичными» называют организации, работающие под прикрытием иностранных спецслужб, «под зонтиком» Центрального разведывательного управления, например, то есть созданные для содействия ведению иностранными государствами разведывательной и иной подрывной деятельности, организации, настоящая деятельность которых не соответствует заявленной. К такого рода организациям, работающим «под зонтиком ЦРУ», относится множество НКО и различных фондов, таких как «Фридом Хаус», занимающихся «содействием в распространении демократии и оказанием помощи правительствам государств в строительстве в своих государствах демократических режимов». В этом контексте термин «зонтичная революция» в Гонконге подразумевает тот факт, что данная «революция» проводилась «под зонтиком» США и их разведывательного сообщества, а следовательно, является прямым результатом вмешательства США во внутренние дела суверенного государства, и не просто государства, а постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Сценарии революций в Украине и в Гонконге настолько точно совпадают, что создается впечатление того, что в случае с Гонконгом США просто взяли украинский сценарий организации государственного переворота и механически, без каких-либо изменений, перенесли его на китайскую почву, даже не позаботившись о его модернизации с учетом особенностей китайского менталитета. Это, впрочем, является типичной чертой практичных североамериканских англосаксов: если схема и так хорошо работает, незачем вкладывать

деньги в ее модернизацию или во внедрение более тонких технологических решений. Вот если схема начинает давать сбои, тогда пришло время выделять бюджетные ассигнования на ее адаптацию к новым условиям, например, к особенностям менталитета и политической культуры Китая.

Совпадения, хорошо просматривающиеся в сценариях революций 2014 года в Украине и в Гонконге, позволяют утверждать, что все эти события — результат применения одних и тех же технологий цветных революций, разработанных Вашингтоном и прошедших проверку в «арабской весне». Все они имеют в своей основе один и тот же сценарий. При этом важно отметить, что технологии цветных революций — это типично американское изобретение, и цветные революции происходят только в тех регионах, где США имеют свои интересы и вмешиваются во внутренние дела суверенных государств. Иными словами, вмешательство США во внутренние дела современных государств всегда сопровождается применением технологий цветных революций, и Гонконг в этом отношении является ярким примером того, как именно Вашингтон относится к суверенитету КНР. «Революция зонтиков» в Гонконге была именно сигналом (или угрозой), направленной Вашингтоном китайскому руководству. Об этом свидетельствует тот факт, что массовые волнения в Гонконге начались в канун одного из главных праздников КНР — дня независимости, а ультимативные требования об отставке действующей власти (главы Гонконга и его заместителей) были выдвинуты лидерами протестующих за день до празднования всем Китаем Дня независимости. Это было сделано не случайно и явно спланировано заранее.

Волнения, происходившие в 2014 году в Гонконге — это типичная цветная революция, цель которой — нанести удар правящему коммунистическому режиму. А также показать всему миру, что власть в КНР не настолько прочна и незыблема, как это представляется лидерам большинства современных государств. Что она нестабильна и уязвима, в том числе в идеологическом плане (для совершения идеологических диверсий), что в ней существуют фракции прозападно настроенных диссидентов. Они готовы прийти на помощь США, если Запад всерьез возьмется за демонтаж коммунистического режима КНР, используя технологии цветных революций, «управляемого хаоса» и информационных войн. Одним из этих центров, где сконцентрированы потенциальные пособники США, является Гонконг. Его население выросло в условиях капитализма и по своей ментальности, ценностям и мировоззрению (прозападно-либеральному) коренным образом отличается от ментальности остального китайского народа.

Организовав цветную революцию в Гонконге, США хотели показать (и миру, и руководству КНР), что в случае необходимости (если такая потребность возникнет у США) коммунистический режим КНР можно расшатать, ослабить и уничтожить, используя технологии управляемых массовых протестов и «управляемого хаоса». Одновременно это — сигнал (предупреждение) руководству КНР о том, что Вашингтон недоволен независимой политикой, проводимой руководством КНР. И вряд ли будет мириться с тем, что КНР имеет собственную позицию относительно целого ряда вопросов международной повестки

дня, в том числе относительно форм и методов урегулирования украинского кризиса, и эта позиция не совпадает с американской. Гонконг — крохотный по своим масштабам регион КНР, его населения и мобилизационных ресурсов недостаточно для того, чтобы дестабилизировать политическую обстановку в Большом Китае, и все это прекрасно понимают. Вместе с тем в КНР есть другие регионы, где сильны сепаратистские настроения и которые могут быть использованы Вашингтоном для подрыва политической стабильности и власти коммунистической партии в Китае. Это Синьцзян-Уйгурский автономный округ, отчасти — районы Тибета (в котором благодаря политике КНР существенно подорвана и сокращена социальная база сепаратизма) и Внутренняя Монголия. Там условия для реализации технологий цветных революций готовы. Хотя, в отличие от Гонконга с его населением, воспитанном в духе либеральных ценностей и западного образа жизни, в Синьцзян-Уйгурском АО американцы будут применять технологии цветных революций, сочетая их с технологиями «управляемого хаоса». Так они делали в революциях «арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене и других арабских странах.

В самом же континентальном Китае возможен сценарий цветной революции, аналогичный так называемой «зеленой революции» 2009 года в Иране. Тогда созданная американцами и британцами псевдооппозиция избрала своей идеологией ревизионизм, обвинив действующее руководство Ирана (М. Ахмадинежада) в отходе от идей и заветов великой исламской революции и ее лидера аятоллы Хомейни, и стала соревноваться с партией власти за звание «самого достойного исламиста». В Китае может быть запущена эта же схема, но только в ней созданная на деньги США оппозиция будет обвинять действующее руководство КНР в отходе от принципов и ценностей марксизма, и постарается этими идеологическими лозунгами увлечь за собой значительные массы населения, в первую очередь — малограмотного, в сельской местности.

В заключение следует отметить несколько основных фактов и выводов.

1. Характер организации «революции зонтиков» в Гонконге, время ее проведения, схема организации протестного движения, подбор и выдвижение лидеров и многие другие факты, а также практически полная идентичность сценария «зонтичной революции» в Гонконге со сценарием революции 2014 года в Украине напрямую указывают на то, что волнения в Гонконге не носили стихийный характер, а были организованы извне, при участии США и, возможно, разведок некоторых их союзников по НАТО. В этом контексте вопрос о факте вмешательства США во внутренние дела КНР является если не очевидным, то довольно легко доказуемым.

2. «Революция зонтиков» в Гонконге — это цветная революция, полностью повторяющая сценарий «евромайдана» в Украине и революции «арабской весны». Отсюда следует истинная цель цветной революции в Гонконге — дестабилизация и последующий демонтаж политического режима в КНР.

3. Гонконг для этого выбран не случайно: это единственная территория в КНР, где население разделяет западные либеральные ценности, имеет прозападный менталитет и является той самой средой, для которой первоначально и разрабатывались технологии цветных революций. Это не означает, что США

пошли по самому легкому пути: Гонконг — это предупреждение правительству КНР и вполне недвусмысленный намек на то, что если политика Китая будет идти вразрез с интересами США, Вашингтон может организовать в Китае такой же «евромайдан» (государственный переворот), который он организовал в Украине, используя для этого уже не Гонконг, а, скорее всего, Синьцзян-Уйгурский автономный округ.

4. Правительству КНР стоит прислушаться к намекам Вашингтона и приступить к созданию общегосударственной системы противодействия «цветным революциям» и технологиям демонтажа политических режимов. Волнения в Гонконге показали, что полиция в целом не способна оказывать цветным революциям эффективное сопротивление. Отдельные меры, связанные с перекрытием доступа к социальным сетям, Facebook и Instagram, также являются мерами сомнительной эффективности: проблему они не решают, поскольку в США уже изобрели приложения к мобильным телефонам, которые позволяют решать задачи координации протестной деятельности и обмениваться информацией даже в условиях отключения мобильной связи. Следовательно, американским цветным революциям должна противостоять общегосударственная система противодействия, включающая в себя систему разведки, обнаружения признаков цветных революций и систему раннего предупреждения.

5. По всей видимости, следующим после Гонконга в цепочке цветных революций на территории КНР станет Синьцзян-Уйгурский автономный округ. Если рассматривать Гонконг как последнее предупреждение КНР со стороны Вашингтона, то это означает, что в Синьцзян-Уйгурском автономном округе уже все подготовлено для новой цветной революции: завезены деньги, которые уже осели на счетах НКО или некоммерческих фондов; обучены в зарубежных центрах по продвижению демократии и внедрены в городскую среду активисты будущего протестного движения, которые уже создали сеть из глубоко законспирированных ячеек; проведена работа со всеми недовольными действующей властью, налажено взаимодействие с сепаратистами. Все это уже сделано, поскольку настоящая цветная революция готовится за 2 года до ее перехода в активную фазу (в результате инцидента, после которого начинаются массовые волнения).

6. У КНР уже есть опыт противодействия цветным революциям — речь идет о первой попытке западных стран свергнуть коммунистический режим в Китае, о событиях на площади Тяньаньмэнь. Сценарий цветной революции в Гонконге намного превосходит по сложности первоначальный сценарий Тяньаньмэнь, но в основе его лежит все та же базовая схема.

7. У России также есть успешный опыт противодействия цветным революциям — речь идет о так называемой «революции белых ленточек». В современной непростой внешнеполитической ситуации Россия и Китай одинаковым образом находятся под прицелом цветных революций, и только объединение усилий двух стран по противодействию этим технологиям способно остановить волну цветных революций у наших границ и не допустить повторения «арабской весны» в форме, например, «весны китайской».

Х. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦВЕТНЫМ РЕВОЛЮЦИЯМ В РОССИИ

Следует отметить, что операция США по переформатированию постсоветского пространства в определенной мере сегодня касается и России. Не секрет, что в организации протестного движения «За честные выборы» виден почерк режиссеров цветных революций, в котором наблюдаются все ее атрибуты — начиная от символики («белых ленточек») и заканчивая уровнем организации митингов и манифестаций, требующих вложения огромных финансовых средств. И совсем не случайно в Москву новым послом США именно в тот период был назначен Майкл Энтони Макфол, талантливый автор и режиссер «оранжевой революции» на Украине и «революции роз» в Грузии. Если сценарий «белой революции» в России финансирует Вашингтон, то делается это, в первую очередь, с одной целью: если Россия будет занята собственными проблемами, ей на определенное время будет не до Ирана. Этого времени американцам должно хватить для начала и завершения наземной операции.

В целом сценарий «революции белых ленточек» полностью соответствует классическим сценариям цветных революций в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, за исключением одной детали: этот сценарий — усеченный, рассчитанный скорее на демонстрацию мощи, чем на реальный результат (смену режима). На это указывают прежде всего объемы финансирования, которые были выделены Госдепом США на организацию цветной революции в России. Один из лидеров оппозиционеров, приехавший в 2012 году на Селигер и отрицавший какое-либо участие США в событиях на Болотной площади, проговорился, что сумма, выделенная США на организацию «белых ленточек», была чуть больше, чем сумма, потраченная на «революцию роз» в Грузии. Эта сумма, конечно, достаточна для Грузии или Украины, но ничтожно мала для России, в которой цветная революция только тогда будет иметь успех, если мятеж одновременно вспыхнет в двух десятках крупнейших городов и региональных центров. Все это указывает на то, что основная задача была — поугубить российскую власть и заставить ее полностью погрузиться во внутренние проблемы, на время перестав следить за международной обстановкой.

Надобность в «революции белых ленточек» у США пропала после того, как стало ясно, что наземная операция против Ирана откладывается на неопределенный срок — виной тому оказалась Сирия, с которой не удалось разобраться так же быстро, как с Ливией. После этого «революцию» в России по команде из Вашингтона свернули — американцы прагматично решили, что больше на нее тратить деньги не стоит.

Говоря о последствиях падения режима Каддафи, Д. Маккейн выразил мне-

ние, что смена власти в Ливии даст сигнал и другим странам, «стремящимся к демократическим преобразованиям»: «это будет своеобразным посланием и для Башара Асада, и для Йемена, и для других диктаторов. Эхо «арабской весны» услышат во всем мире — от России и Китая до Израиля. С тех пор как молодой человек сжег себя на улице, положив начало волнениям в Тунисе, мы видим стремительно меняющийся мир», — заявил Маккейн. Таким образом, Маккейн не исключает, что следующей целью волны «финиковых революций» будут Китай и Россия.

Высказывание сенатора Маккейна, несомненно, носит характер «пробного шара»; сам же он заявляет это все вполне искренне, не замечая, что им манипулируют. «Пробный шар» всегда направлен на провоцирование общественного мнения, в том числе мнения политических и военных союзников и противников США, на высказывание своего отношения к возможности такого вмешательства во внутренние дела перечисленных стран, а также на высказывание собственных оценок реальности такого вмешательства. И хотя реальный политический вес Маккейна ничтожен, а одиозность его фигуры известна всем, к этому его высказыванию все же следует относиться серьезно. Такого рода прощупывание политической ситуации на предмет ее лояльности по отношению к новым целям и планам внешней экспансии США наводит на мысль, что эти планы уже разработаны и ждут своего часа. В этом смысле высказывания Маккейна следует воспринимать как сигнал, а события в Сирии рассматривать как один из этапов реализации этого плана.

Существует система мер, которая помогает уменьшить риски возникновения цветных революций. Она включает в себя три группы.

Первая группа мер направлена на выявление и перекрытие финансовых потоков, идущих на финансирование протестного движения.

Вторая группа мер направлена на вовлечение социальной базы протестного движения — молодежи в возрасте от 18 до 35 лет — в деятельность общественных организаций проправительственной направленности.

Третья группа мер — создание в обществе «клапанов по выпуску пара», сброса напряженности, не позволяющих обществу «перегреться» наподобие парового котла и затем выплескивать накопившуюся энергию в виде социального взрыва.

Политическая практика сегодня убедительно свидетельствует о том, что с технологиями цветных революций и «управляемого хаоса» можно и нужно бороться. Основные принципы противодействия цветным революциям в России таковы:

1. Бороться с цветными революциями — результатом технологий государственных переворотов, можно только с помощью технологий такого же уровня. Отдельные меры, средства и методы здесь не принесут пользы.

2. Необходимо своевременно выявлять и перекрывать каналы заведения денег для организации цветной революции — она не начнется, пока в стране не будут скрытно заведены и размещены в национальных банках и фондах значительные денежные средства. Операция по их заведению в страну может начаться за полтора-два года до реального начала революционных событий.

3. Необходимо сделать так, чтобы основная ударная сила цветных революций — пассионарная и суперподвижная молодежь в возрасте от 16 до 35 лет потеряла свою подвижность и подверженность влиянию идеологии цветных революций. Добиться этого можно, только вовлекая молодежь во всевозможные молодежные общественные организации и движения, в массовый спорт, и т. д. При этом опыт такой работы с молодежью, накопленный «Молодой Гвардией», организацией «Наши», полезен, но он слишком односторонен и от цветной революции не спасет.

4. Цветная революция в России может развиваться под лозунгами регионального сепаратизма и под руководством региональных лидеров. В этом плане надо уделить внимание проблемным регионам — Кавказу, Сибири и Дальнему Востоку, где региональная политика федерального центра в 2012–2013 годах потерпела ряд ощутимых неудач.

Наконец, в России должна быть выработана собственная модель противодействия цветным революциям как в самой России, так и на пространстве СНГ, в Центральной Азии и других регионах, в которых Россия имеет национальные интересы. С цветными революциями бороться можно, поскольку их ход может быть предсказан и спрогнозирован заранее. Есть опыт Беларуси, которая справилась с «васильковой революцией» весьма изящным способом: ее спецслужбы не препятствовали протестующим, но отбирали у них палатки, продукты — все, необходимое для организации протестного лагеря. Есть еще пример цветной революции в Узбекистане, которая была подавлена силой оружия.

Существует система мер, которая помогает уменьшить риски возникновения цветных революций. Первый комплекс мер направлен на выявление и перекрытие финансовых потоков, идущих на финансирование протестного движения. Вторая группа мер направлена на вовлечение социальной базы протестного движения — молодежи в возрасте от 18 до 35 лет — в деятельность общественных организаций проправительственной направленности. Третья группа мер — создание в обществе «клапанов по выпуску пара», сброса напряженности, не позволяющих обществу «перегреться» наподобие парового котла и затем выплескивать накопившуюся энергию в виде социального взрыва.

Президентом и правительством России должна быть создана общегосударственная система противодействия цветным революциям, имеющая четкий план действий, которая затем будет востребована и другими постсоветскими странами.

XI. ИДЕОЛОГИЯ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ И СТУДЕНТЫ

В контексте противодействия цветным революциям в России особый интерес вызывает вопрос организации противодействия распространению идеологии цветных революций в студенческой среде. В своей основной массе студенческая среда не политизирована, но весьма подвижна: она легко подхватывает любые лозунги, которые дают возможность выделиться на фоне своих сверстников. Цель активности студенческой среды — самоутверждение и, отчасти, внесение разнообразия в свою жизнь, борьба со скукой и поиск острых ощущений. Часто эта потребность молодежи в самоутверждении выражается через отрицание существующих норм и стандартов жизни, в том числе основ государственного устройства. Вот почему студенты с готовностью вливаются в любые протестные движения, которые предоставляют им такую возможность, относятся к каждому новому члену своего движения индивидуально и сразу отводят им активную роль в общем деле. Все это сильно контрастирует с проправительственными молодежными движениями, организованными по принципу казармы или неосекты и выглядящими со стороны сплошной «серой массой», которую гонят туда, куда прикажут. Став членом такой организации, студент теряет всю свою свободу; более того, он сразу получает себе персонального командира, которому обязан безоговорочно подчиняться.

Технологи цветных революций используют особенности молодежной и студенческой среды для вовлечения молодежи в протестное движение. Для этого разрабатываются яркая революционная символика, вбрасываются псевдоревolutionные лозунги и идеологические императивы, выдвигаются харизматичные лидеры, вокруг которых создается ореол национальных героев и представителей новой волны пламенных революционеров, в СМИ формируется соответствующий информационный фон. Это не может не привлекать молодежь, мыслящую образами и, в силу юношеского максимализма, привыкшую делить все на черное и белое, поскольку от оппозиционеров идет прямой призыв к эмоциям, а не к разуму. Однако часто и сами руководители проправительственных движений (в основном далекие от самой молодежи) толкают студентов в ряды оппозиции: акции движений «Наши» и «Молодая Гвардия» шаблонны, они лишены изобретательности, а какая-нибудь идеология в них отсутствует вовсе. Они хороши для отчетности, но не для реальной консолидации общества. Образ «защитника существующего строя» (успехи которого быстро забываются, а неудачи становятся предметом оживленных дискуссий) всегда проигрывает перед образом «пламенного революционера-идеалиста», борца за свободу и справедливость, за светлое будущее.

Нередко молодежь и студентов толкает в ряды протестного движения осознание того, что от них ничего не зависит — ни в политической жизни страны, ни в жизни родного университета. Напротив, оппозиция предоставляет студентам такую возможность, приводя примеры простых людей, получивших известность благодаря их личному участию в революциях: от простого аргентинского доктора Эрнесто Гевары до якобы «несгибаемого» блоггера Навального.

Для того чтобы отвлечь студентов от участия в протестных движениях, необходимо:

- увлечь большим (как минимум общеуниверситетским) проектом;
- организовать лидеров мнений в управляемую студенческую организацию, находящуюся под контролем ректората;
- сформировать вокруг университета (в котором студенты обучаются) собственную, замкнутую и самодостаточную информационную среду;
- обеспечить эффективный механизм обратной связи;
- создать собственный (альтернативный) клапан по «выпуску пара».

Это определяет как минимум **пять основных направлений** деятельности университетского актива.

1. Большой проект. Для того чтобы направить энергию студентов в мирное русло, необходимо увлечь их новым крупным и ярким общеуниверситетским проектом, который дал бы возможность наиболее активной и пассионарной части студенческой молодежи самореализоваться, обеспечил бы им профессиональный и даже карьерный рост и занял бы все их свободное время. Таким проектом может стать, например, Пресс-центр Университета или Центр студенческой журналистики.

2. Управляемая студенческая организация. Для того чтобы студенты не считали, что от них ничего не зависит, и не предпринимали бы попытки изменить эту ситуацию с помощью «революционных» методов, необходимо предоставить возможность студентам (через своих выборных представителей) управлять жизнью родного университета (в рамках разумного, конечно). Для этого можно расширить полномочия студенческих организаций, но все-таки лучше создать принципиально новую структуру, которая бы отбирала из студенческой среды неформальных лидеров («лидеров мнений») и включала бы их в свою работу, организовывая их деятельность и управляя через них основной студенческой массой. Такой структурой может стать двухпалатный студенческий Сенат и его профильные комитеты: по политической модернизации, по внешней политике, по публичной дипломатии, по науке и новым технологиям, по экономической политике и т. д.

3. Информационная сфера. Необходимо сформировать вокруг университета собственную, замкнутую и самодостаточную информационную сферу, в которой студенты могли бы найти для себя уже готовые ответы на любые волнующие их вопросы, включая политическую жизнь страны. Как в виде новостной информации (актуальной и своевременно обновляемой), так и готовые оценки событий в виде комментариев специалистов и аналитических материалов. Это позволит управлять их еще только формирующимся политическим мировоззрением и ограждать от негативного влияния внешних

деструктивных сил. Для решения указанных задач необходимо обеспечить информационный фон и наполнение эфира новостями из жизни университета, аналитическими материалами на актуальные темы и оценками университетских авторитетов. В организационном плане для этого в рамках университета необходимо создать мощную информационно-вещательную сеть, начиная от собственных новостных каналов вещания и интернет-СМИ, выпускаемых Пресс-центром университета, и заканчивая собственной социальной сетью и сервисом коротких сообщений. Также необходимо создать собственную социальную сеть, в которую на основании оригинального формата и сервиса перетянуть наиболее активный университетский электорат.

4. Механизм обратной связи. Для контроля студенческой среды и адекватного реагирования на все происходящие в ней изменения необходимо создать механизм обратной связи между студентами и руководством университета, или с его полномочными представителями. Такую функцию могут играть проекты: горячая линия, «онлайн-вахта профессоров Университета» (на сайте в режиме онлайн или в эфире вещательных программ университетского пресс-центра), «виртуальная приемная ректора», «клуб «анонимных» политологов» и т. д.), действующие в режиме реального времени.

5. Клапан по «выпуску пара». Для устойчивости университетской системы управления в целом необходимо создать клапан по «выпуску пара», который позволял бы сбрасывать напряженность в молодежной среде, как только она превысит определенный пороговый уровень. В каком виде его создать, окончательного мнения еще нет. Но у любой политической системы (включая мировую) такой клапан имеется. Так, для международных глобальных корпораций таким управляемым клапаном является спонсируемое ими движение антиглобалистов. Для британского правительства — Гайд-парк и т. д. Для университетской молодежи, радикальные настроения которой не удастся сломить, этим клапаном может быть «университетский гайд-парк», свободные дебаты с представителями власти и университетским руководством и другие управляемые публично-информационные кампании.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Будаев А.В.* Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): Автореф. дисс. ...канд. полит. наук. М.: ДА МИД РФ, 2014.
2. *Вернадский В.И.* Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991.
3. *Вернадский В.И.* Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. Т. 18. Вып. 2. С. 188–191.
4. *Кара-Мурза С.* Экспорт революции: Саакашвили, Ющенко... М., 2005.
5. *Козиков И.А.* Философские воззрения В. И. Вернадского. М., 1963.
6. Концепция внешней политики Российской Федерации http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
7. *Кофман Б.И., Миронов С.Н.* Терроризм: история и современность. Казань, 2002. С. 344–346.
8. *Лебедева М.М.* Мировая политика. М., 2007.
9. Маккейн пророчит «арабский сценарий» России, Китаю и Израилю // MKRU. <http://www.mk.ru/politics/news/2011/08/24/617060-makkeyn-prorochit-quotarabskiy-stsenariyquot-rossii-kitayu-i-izrailyu.html>
10. *Манойло А.В.* Интересы внешней политики США в Афганистане // Национальная безопасность / notabene. 2012. № 3. С. 76–81.
11. *Манойло А.В.* Ценностные основы управления межцивилизационными конфликтами: российская модель // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2012. № 3. С. 89–92.
12. *Николаев С.А.* Центральная Азия в геополитике: американский вектор (1991–2008 гг.) // Международная жизнь. 2011. № 2. С. 27–44.
13. Обама испугался // Мир и Политика. 2012. 28 авг. // <http://mir-politika.ru/1043-obama-ispugalsya.html>
14. Обама готовится обвинить Асада в применении химического оружия // Мир и Политика. 2013. 22 марта // <http://mir-politika.ru/4079-obama-gotovitsya-obvinit-asada-v-primenenii-himoruzhiya.html>
15. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. <http://www.kremlin.ru/news/19825>
16. *Рябков С.А.* Латинская Америка требует особого подхода // Международная жизнь. 2012. № 2. С. 14.
17. *Семин А.В.* Государство, этносы, сепаратизм и проблемы человека. «Круглый стол»: проблемы, дискуссии, предложения: Учеб. пособие / Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова. М., 2000. С. 34–38.

18. Сирия готова применить химическое оружие // Мир и Политика. 2012. 7 дек. // <http://mir-politika.ru/2470-smi-siriya-gotova-primenit-himoruzhie.html>
19. Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smartpower? // Полис. 2009. № 4.
20. Тарле Е.В. Наполеон. М., 1939.
21. ЦРУ планирует начать ликвидацию радикальных исламистов в Сирии. 2013. 16 марта // <http://cursorinfo.co.il/news/mivzakim/2013/03/16/22-32/>
22. ХАМАС в роли наживки // Мир и Политика. 2012. 17 ноября // <http://mir-politika.ru/2079-hamas-v-rol-i-nazhivki.html>
23. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Кризис идеи «демократического мира» // Международные процессы. 2005. № 3.
24. Убит последний христианин сирийского Хомса // Мир и Политика. 2011. 1 ноября // <http://mir-politika.ru/1823-ubit-posledniy-hristianin-siriyskogo-homsa.html>
25. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. 2011. № 1.
26. Эксклюзивное интервью Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова журналу «Международная жизнь». 15:30 13.09.2012. <http://interaffairs.ru/read.php?item=8760>
27. Bardos A. Public Diplomacy: An Old Art, a New Profession // Virginia Quarterly Review. Summer 2001 // http://www.vgranline.org/articles/2001/summer/lardos_public?diplomacy
28. Filiu J. -P. The Arab Revolution. Ten Lessons from the Democratic Uprising / London: Hurst&Co, 2011.
29. Hale H.E. Democracy or Autocracy on the March? The Colored Revolutions As Normal Dynamics of Patronal Presidentialism. // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. P. 305–329.
30. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs Group, 2004.
31. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
32. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics // International Organization. Vol. 46. № 2. Spring 1992. P. 391–425.



СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Ежемесячный журнал

№1 (133)

январь 2015

Корректор Г. Володина •

Подписано в печать 20.12.2014 • Тираж 1500 экз.

Заказ № 4369

Отпечатано в ФГУП Издательство «Известия» УД ПРФ

127254, ул. Добролюбова, д. 6
Контактный телефон: 650-38-80